

БРЕНДОН САНДЕРСОН

Звезды
НОВОЙ
ФАНТЕЗИ

ТОМ II

ВЕТЕР И ПРАВДА

! 18+

АРХИВ БУРЕСВЕТА
+————— КНИГА 5 —————+

Звезды новой фэнтези

Брендон Сандерсон

**Архив Буресвета. Книга
5. Ветер и Правда. Том 2**

«Азбука»

2024

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

Сандерсон Б.

Архив Буресвета. Книга 5. Ветер и Правда. Том 2 /
Б. Сандерсон — «Азбука», 2024 — (Звезды новой фэнтези)

ISBN 978-5-389-34638-3

Долгожданная ошеломляющая развязка первой сюжетной арки цикла-бестселлера «Архив Буресвета» – шедевра эпической фэнтези от признанного мастера жанра. До поединка защитников, исход которого решит судьбу Рошара, остается всего лишь пять дней. По всему миру продолжают отчаянные бои: Адолин сражается в Азимире, Сигзил и Венли – на Расколотых равнинах, Ясна – в Тайлене. Очистить свою родину, Шиновар, от темного влияния Претворенного должен бывший убийца Сзет. Вместе с ним отправляется Каладин, которому предстоит новая битва: нужно помочь сразиться с собственными демонами Сзету, а заодно и Ишару – безумному Вестнику Всемогущего. Впервые на русском!

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

ISBN 978-5-389-34638-3

© Сандерсон Б., 2024
© Азбука, 2024

Содержание

День шестой	6
69. Радикальная философия	7
70. Состязание иллюзий	13
71. Предположения	19
72. Опасна статистически	25
73. Роскошь простоты	34
74. Что он из нас сделал	41
75. Семья	47
76. Уступки	51
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Брендон Сандерсон

Архив Буресвета. Книга

5. Ветер и Правда. Том 2

Brandon Sanderson

WIND AND TRUTH

BOOK FIVE OF THE STORMLIGHT ARCHIVE

Copyright © 2024 by Dragonsteel, LLC

Published by permission of Dragonsteel, LLC and its literary agents, JABberwocky Literary Agency, Inc. (USA) via Igor Korzhenevskiy of Alexander Korzhenevski Agency (Russia)

Иллюстрация на обложке Майкла Уэлана

Иллюстрации Бена Максуйни, Одри Хотт, Дэна дос Сантоса, Миранды Микс, Келли Кинг, Анны Эрли, Грега Колла, Хейли Лазо и Донато Джанкола

Заставки Айзека Стюарта, Хейли Лазо, Бена Максуйни и Говарда Лайона

Карты Говарда Лайона и Айзека Стюарта

© М. С. Аль-Ради, перевод, 2026

© Издание на русском языке. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

Издательство Азбука®

День шестой
Каладин – Ясна – Сзет – Венли – Сильфрена
– Шаллан – Сигзил – Адолин – Далинар

69. Радикальная философия

Теперь вы в полной мере знаете о моих грехах. В полной же мере знаете и о моих откровениях, если их можно так назвать. Здесь описано каждое мое видение. Каждый опыт прошлого, сформировавший меня.

Из эпилога «Давшего клятву» Далинара Холина

С прибытием Нейла Сзет стал другим человеком. Во время приготовлений к дневному переходу Каладин пытался вовлечь его в разговор, однако добился лишь монотонных односложных ответов. Потом они почти все утро летели, но приземлились, чтобы пройти остаток дороги до светоплетского монастыря, обозначающего половину их пути. Сзет по-прежнему считал, что, передвигаясь пешком, они будут меньше привлекать внимание. Поэтому теперь Каладин тащился по мягкой земле с тяжелым рюкзаком за спиной.

По мере продвижения на север пыльные дороги становились грязнее, воздух – суше, и даже по ночам было жарковато. Растения все больше приобретали вид... сорняков. Узкая тропинка, по которой шли путники, превратилась в широкий тракт. Пыльный, хотя накануне лил дождь. Каладин даже не пытался вообразить, что здесь творится, когда дорога забита людьми и телегами.

Полный решимости, он поравнялся с Сзетом, вместе с ним следуя за высоким надменным Нейлом. Шагая впереди, Нейл ухитрялся собирать на себя меньше пыли, чем Каладин, и, по видимому, не нуждался ни в воде, ни в отдыхе: ни разу не объявил привал и рассчитывал, что спутники будут пить из фляг на ходу. Он напоминал светлоглазого, за которым двое понурых солдат тащат все его вещи.

«Вероятно, хочет разозлить тебя, – сказал себе Каладин. – Уязвить так, чтобы ты бросил Сзета и оставил с ним».

Но Каладин не поддавался.

– Сколько нам еще идти? – спросил он.

– Недалеко, – ответил Сзет.

– Как часто ты бывал в этом монастыре?

– Несколько раз. Светоплетская пара способностей – не из моих любимых.

– Каково это было – испробовать каждый Клинок? Интересно, должно быть.

В ответ Сзет пожал плечами, устремив взгляд на Нейла.

Шквал побери! Такое ощущение, что все достигнутые успехи смыло дождем Великой бури. Каладина это сводило с ума. Теперь, увидев, насколько Сзет нуждается в помощи и как сильно он похож на Тьена, Каладин чувствовал, что его стремление помочь многократно воз-

росло. Наверное, даже слишком. Невозможность быть хоть чем-то полезным отдавалась физической болью.

– Сзет, – попробовал он снова, – давай поговорим о...

– Ну давай поговорим, – оборвал его идущий впереди Нейл. – Прошу. Я слышал, ветробегун, ты предлагал моему ученику радикальную философию. Я бы хотел послушать лично.

Каладин стиснул зубы. До сих пор Вестник сказал ему от силы пару слов. Стало досадно, что нет времени получше выстроить собственные мысли: поравнявшись с Нейлом – редким человеком примерно одного с ним роста, – Каладин почувствовал себя удручающе неготовым.

– Начинай, – произнес Нейл и, вышагивая, заложил руки за спину. – Выскажи мне свои идеи, смертный.

Каладин огляделся, проверяя, не вернулась ли Сил из разведки, но ее пока не было.

– Я полагаю, – заговорил он, – что этот ваш принцип «следовать закону» смехотворен.

– Ты анархист? – спросил Нейл абсолютно спокойным тоном. – Желаете разрушить закон и общество, оставив от них лишь пепел?

– Нет, – возразил Каладин. – Но я не считаю, что закону следует поклоняться. Всякое правило время от времени необходимо нарушать.

– Необходимо ли? Как же это решить? И, что важнее, кому решать?

– По-разному.

– Что порождает разницу? – уточнил Нейл. – Разве не сможет любой убийца сказать: «Мой случай именно такой, когда правило следует нарушить»? Каждый хотел бы нарушить закон, но, если соблюдать его верно для одного, точно так же это верно и для всех. Сам великий поборник нравственности Нохадон указал на необходимость существования в обществе подобных устоев. Станешь ли ты противоречить ему?

– С ним я не спорю, – сказал Каладин. – Я даже с тобой спорить не хочу. Я просто считаю, что Сзету следовало бы больше думать своей головой.

– Полагаю, он и думает своей головой, – отозвался Нейл. – Но он выбрал ответы, которые тебе не нравятся. Почему все сторонники «свободного мышления» принимают лишь те ответы, которые хотят получить? Любой, кто с ними соглашается, якобы мыслит свободно. А кто не соглашается – тот, стало быть, ослеплен и подавлен общественными нормами или же является марионеткой в злых руках властей предрекающих.

От бесстрастной манеры речи Вестника – монотонной, за исключением редких акцентов на отдельных словах, – делалось не по себе.

– Послушай, – сказал Каладин, – может, поговорим только о Сзете?

– Мы о нем и говорим. А ты уходишь от ответов. Считаешь ли ты, что людям следует соблюдать закон?

– В общем и целом – безусловно. Но закон несовершенен: его создала кучка таких же людей, как мы.

– Тем не менее это все, что у нас есть. На текущий момент закон – лучшее мерило нравственности в нашем обществе.

– Да, только Сзету ты же преподносишь это не совсем так? – спросил Каладин, оглянувшись на шинца; тот шел молча, но ловил каждое слово. – Не как некое «мерило нравственности», но как идеал, которому следует посвящать всего себя без остатка. В этом состоит одна из его клятв!

– Клятва заключается в том, чтобы найти моральный компас, – ответил Нейл. – Он выбрал человека. Я бы назвал его выбор сомнительным, но подобное решение допустимо и заслуживает уважения.

– И все же звучит так, будто вы действительно поклоняетесь закону.

– А почему бы нам этого не делать? Человечество ни в чем не приблизилось к божественности больше, чем в создании кодексов для самосовершенствования.

– Я... так не думаю. В отношении меня, Нейл, закон показал себя более чем несовершенным. Он позволил ужасному человеку похитить моего брата и отправить его на войну, на смерть. Мое рабство, допустим, шло вразрез с алетийскими законами, но то, что делал с моими друзьями Садеас – формировал из них мостовые расчеты и посылал на гибель на Расколотых равнинах, – было совершенно законно и абсолютно приемлемо. Закон может быть – и часто бывает – крайне извращен.

Нейл покачал головой:

– И чем же его заменить?

– Может, человеческой порядочностью?

– Которая проявляется нерегулярно. Закон не избавляет от всех бед, но пытается. Пусть ты и пострадал, но без закона пострадал бы намного больше. Полагаться на порядочность людей, Каладин Благословенный Бурей, – нельзя. Уж тебе ли не знать? Даже моя точка зрения, как я выяснил, может быть ошибочна. Закон же создавали на протяжении веков, передавали из поколения в поколение, оттачивая и совершенствуя.

– За исключением законов, созданных капризом какого-нибудь короля-идиота. А таких большинство.

– Почему ты мнишь себя умнее того, кто создавал законы? По словам спрена, у тебя нет ответов, ты не предлагаешь лучшего пути. Только ломаешь предложенный.

– Но...

– Еще раз, как бы ты хотел, чтобы поступал Сзет? – перебил Нейл. – Помимо «думать своей головой»? Есть ли у тебя замена его идеализации?

– Я считаю, ее и не должно быть!

– То есть ты хочешь заменить нечто великое ничем. Истинная цель всякого революционера. Крушить, рвать на части и уничтожать. Ты не можешь похвастать собственной философией, поэтому стремишься разрушить чужую, завидуя наличию ответов у ее последователей. Что ж, у меня ответы есть. Мой ответ состоит в том, чтобы полагаться на закон, поскольку в таком случае по крайней мере есть моральный компас. Людские идеи слабы, как и сердца, и потому мы выбираем нечто более высокого порядка.

– Но закон и состоит из людских идей! – воскликнул Каладин.

– Нет. Тут ты ошибаешься. Законы лучше, чем обычные идеи.

– Ты же только что согласился, что это мысли людей!

– Я не соглашался. Скажи, знаешь ли ты, откуда взялся закон этих земель?

Этот человек... В его доводах было столько дыр, а он попросту не обращал на них внимания. Нейл говорил, что несовершенен, и тут же заявлял, что у него есть ответы. И все же их разговор слушал Сзет. Если Нейл не видит нестыковок, может, хоть Сзет их отметит.

– Ветробегун, откуда берет начало закон этих земель? – снова спросил Вестник. – Ты знаешь?

– Может быть... от спренов? – наугад предположил Каладин.

– Ха! Итак, ты в самом деле споришь из невежества. Давай объясню.

Каладин почувствовал, что его заманивают в ловушку, – так же, как почувствовал бы финт в бою. К сожалению, он не был философом и не нашел способа избежать того, что замыслил Вестник. Пришлось промолчать.

Нейл развел руки в стороны широким жестом, будто охватывая зелено-бурые травы по середину бедра. Они были испещрены огромными цветами в человеческий рост, с твердыми, почти как раковины, стеблями. Ярко-желтые лепестки обрамляли похожие на глаз коричневые сердцевинки.

– Здешние земли, – продолжил Нейл, – стали нашим первым домом в этом мире. Колыбелью человечества, где были выкованы первые законы. Не спренами и не людьми, но самим Богом и избранным им монархом – Йезриеном. Королем Вестников и Вестником королей.

Моим врагом, ставшим дорогим другом. Тот божественный исток стал основой законов Шиновара. Вот что ты пытаешься подорвать, Каладин Благословленный Бурей.

– Но... постой. Тогда почему шинцы поклоняются спренам?

– Спренам? – переспросил Нейл. – В смысле – буквально фрагментам божества?

– Да, Сил так говорит, но... я хочу сказать... – Каладин нахмурился. – Тут правда что-то не складывается. Как вы, Вестники, вообще нашли этот мир?

– Нас вели священные тона Рошара, – ответил Нейл. – Мы потянулись к ним с помощью силы инозвания – Ишар некогда мастерски владел этим искусством. Кое-какой талант был и у меня...

Лицо его приняло мечтательное выражение.

– Я слышал их... песни нового мира, живого и свежего. Зовущий ритм...

– Хорошо, – кивнул Каладин. – Но были ли спрены как-то причастны? Это место порой говорит со мной. Сам Ветер.

– Не обращай внимания. Отголоски давно погибшего и сгинувшего бога.

– Но...

– Мы отошли от темы, – перебил Нейл. – Скажи, хотел бы ты свергнуть шинскую систему правления?

– Что? Нет, конечно!

– Как бы ты отреагировал, если бы Сияющий другого ордена стал намекать, что твои клятвы о защите – глупость?

– Послушай, – досадливо всплеснул руками Каладин, – на Сзета это не действует. То, что вы делаете, причиняет ему боль. Я не умею спорить, как ученые. Но это так не работает. Это неверный путь. Он нуждается в помощи, в сострадании, а вы этого не предлагаете.

– Сзет поломан сильнее большинства, – объяснил Нейл, останавливаясь на дороге. – И ты приложил к этому руку. Известно ли тебе, Каладин Благословленный Бурей, кто подобрал его с земли в тот день, когда ты оставил его умирать в буре? Где же было тогда твое сострадание?

Они неотрывно смотрели друг другу в глаза, стоя в поднятых ветром клубках пыли, пока Каладин не ответил:

– Он пытался убить Далинара.

– То есть теперь ты прячешься за законом и полученными приказами? – подытожил Нейл и повернулся к Сзету: – Готов?

– Да.

– Подождите, – встрял Каладин. – Готов к чему?

– К светоплетскому монастырю, – ответил Нейл. – Там он достанет клинок и победит носителя Чести.

Каладин нахмурился, оглядывая пейзаж: пыльная земля и слишком высокие цветы. Минувшей ночью пришлось вернуться после посещения второго пустого монастыря. Сейчас они находились, вероятно, где-то посреди западной части Шиновара, вблизи гор на побережье океана. Этого... как же Сзет его называл? «Большим океаном»? Нет, глупо звучит. Но что-то вроде того.

Горы здесь были ниже, чем на восточной границе Шиновара, – без заснеженных вершин, и в целом встречалось больше столовых гор, чем пиков.

Каладин ощутил на лбу липкий пот от жары, когда прикрыл ладонью глаза, осматриваясь вокруг:

– Я его не вижу.

– Он впереди, скрыт естественными элементами ландшафта, – пояснил Нейл. – А ты думал, светоплетский монастырь будет легко заметить?

Каладин покраснел и, взглянув на Сзета, понял, что его доводы пропали втуне. Сзет сворачивал с дороги на узкую тропинку. В глаза не смотрел.

Несправедливо, что, получится ли переубедить кого-то, зависит не от силы идей, а от силы спорщика. Каладину это всегда претило, но не хватало красноречия, чтобы объяснить почему. Он молча вскипел от негодования, из-за того что Сзет, вопреки высказанным желаниям, снова взял оружие и отправился убивать.

* * *

Ясна вышла с совещания стратегов с гложащим чувством, хотя первопричина тревоги от нее ускользала. По крайней мере, внешний вид служил поставленной цели. Мундир подчеркивал ее пол: плотно посаженный лиф, застежки доверху на плаще, удлиненном спереди и сзади, из-за чего он развевался поверх штанов и сапог, напоминая юбки. С учетом дополняющих костюм перчаток Ясна могла сражаться в нем без проблем.

Она стала образцом для многих женщин-Сияющих, и ей приходилось помнить каждую минуту, что на нее смотрят. Впрочем, так было всегда, но теперь хотя бы некоторые видели в ней положительный пример для подражания.

– Приготовления хороши, Ясна, – раздался голос Айвори у нее в ухе. – Оборона есть.

Как часто бывало, он устроился в серье: для него она носила в ушах крупные морские раковины.

Вслед за Ясной из зала совещаний выходили генералы и адмиралы, переговариваясь между собой. После целого дня планирования обороны Тайлена боевой дух был на высоте. Камнестражи полагали, что сумеют спрятать на дне бухты каменные шипы, чтобы пробить днище кораблей и потопить их. Кроме того, артефабры разработали средство противодействия Глубинным: фабриали, способные известить о приближении Сплавленных. Они предупредят заранее, если враг предпримет попытку застать защитников врасплох, напав из-под каменных укреплений.

Клятвенные врата полностью заперли, а в Шейдсмаре, спрятавшись с помощью своих способностей, поджидали светоплеты, высматривая возможных врагов там. Ветробегуны патрулировали воздушное пространство. Установленные гигантские арбалеты были направлены вверх, чтобы сбивать Небесных. Более того, этим утром прибыла особая посылка: несколько самосветов с драгоценным антипустосветом, способным прикончить Сплавленного навеки. Тайлена подготовилась, насколько это вообще было возможно: торговый город превратился в громадную крепость. С учетом высоких утесов по сторонам бухты и отсутствия прибрежной полосы для их обхода штурм порта грозил обернуться кошмаром.

И враг это знал.

И все равно сунулся.

Ясна подошла к открытому окну взглянуть на город с высоты верхнего яруса. Когда-то здесь она могла обрести умиротворение, которое навевали мерцающий синий океан и прохладный свежий южный ветер. Но сегодня ей было не по себе. В глубине души росла тревога, что они упускают нечто жизненно важное.

– Ясна? – раздался голос Айвори под правым ухом. – Что есть?

– Хотела бы я знать, – прошептала она. – Тут есть какая-то загадка, которую не видят генералы и адмиралы.

Айвори обдумал ее ответ. В этом и заключалась одна из причин их отличного союза. Будучи спреном чернил, он имел склонность фиксироваться на настоящем, на текущем положении дел. Это была тенденция, а не абсолют, однако он находил рассмотрение ситуации как она есть лучшим путем к решению проблемы.

Ясна же имела склонность фокусироваться на чем угодно, кроме настоящего. Понимание прошлого и того, что оно говорит о будущем, составляло ее кредо как вериститалианки. Только эта группа ученых приняла в свои ряды Ясну в юности, тогда как все прочие отказались иметь

с ней дело, сочтя ее ересь неприемлемой. Прошлое и будущее шли рука об руку, но порой Ясна была слишком сосредоточена на них, отрешаясь от настоящего.

– Тебя беспокоит, что осознаваемое нами не есть правда... что есть другая действительность, – изрек Айвори.

– Да. Я не эксперт в области тактики, но согласна с тем, что говорят генералы, адмиралы и Сияющие. Город неприступен. Так что...

– Так что ты тревожишься, что мы ошибаемся. – Айвори задумался. – Быть может, Ясна, им нужен не еще один генерал. Быть может, на сей раз им нужна ученая.

Ясна тут же почувствовала себя душой. Если она намерена доказать свою ценность здесь, то она добьется этого не в сфере тактики. Она разбиралась в военной стратегии успешнее среднестатистического человека, но в том зале собрались лучшие умы мира. Ей понадобятся годы изысканий, чтобы сравниться с ними.

Но если она права, тогда это задача логическая, а не военная. Как Вражде захватить неприступный город?

Ей требовались бумага и тихое место для размышлений.

Сейчас же.

70. Состязание иллюзий

*И то и другое изложено со всеми подробностями, какие я смог вспомнить. Моя жизнь. Мое правление. Моя скорбь. Моя слава.
Из эпилога «Давшего клятву» Далинара Холина*

Сзет не ощущал особенного сродства со светоплетями. Хотя он и обучался их искусствам по необходимости, он терпеть не мог то, как они превращают правду в посмешище, практически поклоняясь обману. Однако, направляясь по тропинке к монастырю, он поймал себя на любопытных мыслях. Он представлял себе светоплетов странными существами, искажающими правду, как им захочется. Но возможно, переделывать правду на свой лад свойственно не только обманщикам, а вообще всем людям.

Тропинка, отделившись от основной дороги, вела под уклон. Сзет шагал по ней бок о бок с Нином – или Нейлом, как тот сам себя называл, – а Каладин с Сильфреной следом за ними. Сзет чувствовал себя одиноко. Спрен перестал с ним разговаривать, не считая сухих приказов. Кровь Ночи целыми днями болтал с Клинками Чести. Каладин с Нейлом спорили. Имел ли для них значение Сзет, или же они только хотели доказать неправоту друг друга? Смел ли он думать подобным образом о святом существе, каким являлся Нин-сын-Бога?

Сзет бросил взгляд через плечо на спутников. Синий мундир и черный. Человек, оставивший его умирать, и человек, спасший ему жизнь. Человек, утверждающий, что заботится о Сзете, и тот, кого заботит лишь закон. Отчасти Сзет злился на них обоих за то, что тянут его в разные стороны.

Может, это просто жизнь. Разрываться между двумя частичными правдами. Сиви так старалась донести до него эту мысль, а он вечно сопротивлялся. Ведь если в жизни столько же частичной правды, сколько и однозначной, то и в прочих аспектах бытия получается полная неразбериха.

Сзета манила сладкая, чистая правда пути Нина. Пусть даже она вынуждала его убивать.

«Ты в порядке?» – послышался голос Крови Ночи.

– Меч-ними? – прошептал Сзет, поправив связку клинков за спиной. – Нет повода для беспокойства.

Он нес половину мечей, а вторую приторочил к своему рюкзаку Каладин. Они были тяжелыми: легче, чем должны бы быть, но отнюдь не невесомыми.

«Просто... я что-то от тебя почувствовал».

– Почувствовал? – переспросил Сзет. – Как ты можешь чувствовать то, что чувствую я?

«Не знаю. Я ощущаю близость с тобой. Ты страдаешь».

– Я всегда страдаю.

«Разве такое не должно... проходить? Человеческая боль ведь утихает?»

– Я бы очень хотел, чтобы так и было, меч-ними. Но не думаю, что заслужил покой.

«Ты говорил, что больше не будешь убивать».

– И этого мне бы тоже хотелось.

Он свернул направо и начал спускаться по лестнице, скрытой бурыми склонами холмов. Ступени были сделаны из вбитых в землю бревен и жердей, с годами отшлифованных подошвами, и вели в лощину, по дну которой протекал ручей.

«Сзет, ты злой?» – поинтересовался меч.

– Почему ты спрашиваешь? Раньше ты говорил, что уверен в обратном.

«Ну, я слушал. Более того, я пытался вспоминать, что временами трудно. Ты говоришь о бремени, которое несешь. О людях, которых убил. Невинных, как ты сказал. А... убивать невинных – зло. Верно?»

– Да.

«Но когда ты спас Далинара и Сияющих, это ведь было добро?»

– Надеюсь.

«Когда меня создали, передо мной поставили простую цель. Уничтожать зло. Я думал, что буду находить злых людей и уничтожать их. Этого же хочет Нейл? Разделить людей на группы. Злые. Незлые».

– Это слишком просто даже по меркам его философии, – прошептал Сзет, добравшись до подножия лестницы. – Он считает, что все люди иногда добры, иногда злы. Мы не в силах отделить одно от другого, поэтому нам требуется указатель.

«Разве отличить добро от зла не должно быть легко?»

– Мы все делаем вид, что это легко. Но если бы это было так, между нами не возникало бы столько разногласий.

Сзет пошел по дну лощины, справа от него протекал ручей.

– Почти все мы сходимся на основополагающих принципах, – продолжил он. – Убийство невинного – зло. Ну а если это делается ради спасения трех невинных? Если ты инструмент и следуешь тому, что считаешь законом высшего порядка? Если совершаешь добрые поступки, но получается плохо и в итоге умирают невинные?

«Кажется, такое случается нечасто».

– Если бы, меч-ними. Если бы...

Лощина расширилась, и взору путников предстал монастырь. Он был высечен в скале. Каменный фасад покрывали пятна от капающей сверху воды. Сзет видел ущелья на Расколотых равнинах, но здесь было иначе: гораздо больше открытого неба. И хотя местный ручей поддерживал плодородность почвы, на которой росли маленькие деревца, тут не было того безудержного буйства растительности, как в ущельях.

Это был тихий уголок для созерцания в продуваемом ветрами краю. Сзет внимательно осмотрелся и вдруг ощутил беспокойство – не только прежние опасения, но еще и тревогу из-за Голоса. Рано или поздно придется с ним столкнуться. Сзет считал, что ослабить его хватку в здешних краях, убив носителей Чести, – правильно. Но эти бои закончатся, и что тогда?

Сможет ли он сразиться с Претворенным? Далинар не сумел. Ему пришлось победить силой воли, отказавшись от предлагаемого Азартом соблазна, но в то же время, как он описал в своей книге, признав то, что их роднило. Не ждет ли Сзета нечто подобное? Он не знал, а потому делал что мог, и это означало очищение здешних мест.

Он направился к монастырю, при котором не было ни города, ни даже гарнизона для защиты, а лишь несколько домов смотрителей и прислуги. Сзет быстро проверил их, все оказались пусты.

На выходе из последнего дома он прошел мимо спутников, и Каладин схватил его за руку:

– Послушай, должен быть другой способ.

Сзет остановился, позволив Каладину сжать его руку, отчего тот почувствовал себя глупо и сразу ее отпустил.

– Я не спрашиваю, есть ли другой способ, – сказал Сзет. – Я делаю то, что требуется. Он снял со спины сверток с мечами и передал его Каладину, затем призвал свой клинок и шагнул в монастырь.

Каладин подошел к двери посмотреть, но Нин взял его за плечо:

– Он должен исполнить паломничество без твоей помощи, ветробегун. Не вмешивайся.

Внутри этого монастыря было темнее, чем в других. Его освещало окно далеко вверху, в крыше зала в три этажа высотой. Столб света падал вниз на группу из тридцати женщин, стоявших рядами. У всех были совершенно одинаковые лица.

Сзет резко остановился с осколочным клинком в руке и, выжидая, позвал:

– Мосс-сын-Фарьера! Я... не стал бы с тобой драться, если без этого можно обойтись.

– Тогда не следовало сюда входить. – Голос Мосса гулко отдавался где-то в глубине зала. – Я думал, Сзет, никогда тебя больше не увижу. Признаться, скучаю по нашим старым временам.

Сзет неуверенно сделал шаг. Все женщины, стоявшие впереди, были одеты в одинаковые цветастые платья и были похожи на...

«На Вестницу, – подумал Сзет. – На Шуш-дочь-Бога, светоплетельщицу».

Он встречал ее в реальной жизни, и перед ним выстроились ее подобия. Это были не тридцать разных женщин, а тридцать иллюзий Вестницы – покровительницы монастыря.

Держась теней вдоль стен, Сзет подкрался ближе. Все иллюзии казались идентичными друг другу. Все фигуры стояли совершенно неподвижно, глядя на него.

– Мосс, покажись, – позвал Сзет.

– Я показался.

Голос Мосса шел из рядов иллюзорных женщин. Сзет следил за лицами ближайших к нему, и они не говорили. Но... искусный светоплет в состоянии искривить воздух, перенаправляя звук.

– Я прячусь перед тобой, под этим светом, как одна из версий Шуш.

– Может, просто проведем поединок? – спросил Сзет.

– Поединок? – со смехом отозвался Мосс. – Думаешь, у меня был бы хоть один шанс?

Сзет двинулся дальше в обход светового круга.

– Ты же знаешь, мы не слишком полагаемся на воинские умения, – сказал Мосс.

Это была правда. Порой светоплета даже выбирали в ходе состязания иллюзий. Впрочем, в случае с упрямыми вроде предшественницы Мосса все равно требовался бой на мечях. Еще узоковательского носителя Чести выбирали необычным способом: голосованием.

– И потому вместо поединка ты устраиваешь игру? – крикнул Сзет. – Очередную нелепую загадку?

– Мое участие закончится, когда ты выберешь, кого из меня убить, – ответил Мосс. – Почти все иллюзии перед тобой в чем-то несовершенны. Одна из них – я, скрытый за лицом, которое как раз совершенно. Двадцать девять из стоящих перед тобой безобидны; одна из стоящих здесь смертельно опасна. Тебе нельзя прикасаться к иллюзиям, и они не ответят на твои вопросы. Чтобы пройти испытание, тебе нужно выбрать одну версию меня, ударить клинком в глаз и убить. Затем ты должен ускользнуть из монастыря с моим клинком. Выбери неверную иллюзию для удара – и ты проиграешь. Как-либо прикоснись к ним – и проиграешь. Если не преуспеешь, твое паломничество окончится, и тебя признают недостойным высокого положения, которое ты ищешь. Если сумеешь выиграть мой клинок, ты достоин. Это твое истинное испытание, Сзет-сын-Нетуро. Вот мои последние слова к тебе: выбирай тщательно.

Сзет со вздохом отпустил осколочный клинок. Он верил в свое мастерство мечника против любого, кроме Вестника, но вот в ум? На него он... не полагался. Нет, не с учетом звучавших в ушах голосов.

Но ему все равно придется постараться – потому что именно это от него требовалось, а он делал то, чего от него требовали.

* * *

Венли вела по ущельям Расколотых равнин двадцать соплеменников – и нескольких ущельных демонов, следовавших на расстоянии, – в направлении скрытой песни, которую едва начала различать.

Они вошли в ущелья с востока – такой способ она никогда прежде не использовала. В прошлом, во времена детства, она всегда попадала в ущелья, спрыгивая или слезая сверху, как правило, вслед за Эшоной в каком-нибудь походе. Те дни она вспоминала с улыбкой. До того, как стала завидовать сестре, до того, как ее засадили заучивать песни, пока сестра тратила время попусту.

Венли настроилась на ритм мира. Это ведь неправильный ход мыслей о тех временах.

Она задержалась на перекрестке, оглядывая шедших за ней соплеменников. В их числе были ее товарищи из Уритиру, покинувшие башню вместе с ней: Дул, Мазиш и Шумин. Основную часть группы составляли первоначальные слушатели, и, наконец, здесь были Лешви и ее Небесные. По дну ущелий спокойно текла вода, которой по большей части можно было избежать, идя вдоль стен. Вероятно, поток станет более мощным ближе к буре, но Венли надеялась, что не настолько, чтобы им пришлось покинуть ущелья. Буря бурь обычно приносила куда меньше дождя, чем Великая буря.

Круто развернувшись, Венли прошла через рой спренов жизни, миновав камень в форме ветки дерева. Ветром оторвало одинокую палку, и она оказалась здесь, где с течением времени ее покрыл слой крема. Подобные образования, как правило, бывали полыми: наступишь – проломится, поскольку исходное дерево сгнило, оставив такую вот оболочку.

Мысли могут точно так же обращаться в камень. В своих воспоминаниях Венли была «вынуждена» сидеть и учиться, но сколько в этом правды? Она занималась, потому что любила песни, любила узнавать новое и любила проводить время с матерью. Причина обиды крылась не в самой работе, а в том, что Венли не чувствовала одобрения.

А что же сестра? Сестра делала то, что требовалось их народу, даже если Венли не была способна это признать. Лелеять обиду и дальше – все равно что взять палку и покрыть кремом: если не проявить осторожности, правда внутри сгниет. И останется полая ложь.

Вместо этого Венли обратилась к другим воспоминаниям: о прекрасных вечерах, когда она пела Эшоной то, что выучила, и они вместе смеялись и смотрели на Расколотые равнины. Венли настроилась внутри себя на мир, потом на благоговение. Она находилась в дивном месте. Следует наслаждаться этим ущельем и его буйной экосистемой.

Плотный влажный воздух напоминал первый вдох аромата чая, наполненный паром и запахом трав. Со стен свисали лозы. Тут и там прорастал сланцекорник, сотни его ярких разновидностей, справа от Венли за стену цеплялись желтые ростки. Они были похожи на веера или наскоро пролистанные книги.

Под ногами бегали кремлецы по лесам, которые наверняка казались им огромными, а Венли – крошечными диорамами. Такие делала Кунона, тщательно выстраивая каждый кусочек камня и каждое крохотное растение.

Кунона... погибла, когда родилась Буря бурь. Венли бросила взгляд в темное небо, видимое сквозь узкую щель высоко над головой. Там от туч отражались красные всполохи. Двинувшись к центру, слушатели вступили на опасную территорию.

Вдалеке Венли по-прежнему слышала ритм. Тот, на который шла. Чем ближе они подходили, тем отчетливее она разбирала тон: какой-то нестройный, с хаотичным ритмом. Справа от нее на резном листе сидел фиолетовый кремлец. Он будто бы следил за ней, и она запела ему в радостном ритме.

Подсвечивая себе самосветом, с Венли поравнялся Тюд. Под его ногой негромко хрустнуло прогнившее бревно, обломки подхватило течением и понесло назад, мимо группы слушателей.

– Венли, – произнес он в ритме тревоги, – ты уверена в выбранном курсе? В той стороне Буря бурь.

– Скорее всего, она выставлена и остановлена в определенном месте, – ответила Венли. – Он так уже делал: перемещал бурю туда, где хотел внушить людям страх и трепет. – Она помедлила. – Тюд, там идет бой. Люди и певцы сражаются за Нарак. Я же рассказала тебе, что сообщил Рлайн? О договоре между людским королем и Враждой и о странных условиях, по которым каждая сторона сохраняет за собой то, что завоюет за эти десять дней.

– Столько крови, – прошептал Тюд в ритме скорби, – ради пустынного куска изломанного камня. Люди годами истребляли здесь слушателей, и теперь тут снова убивают.

Венли запела в ритме утраты и... загрузила от того, каким утрюмым стал Тюд. Отчасти в этом была ее вина.

По большей части ее вина.

– Прости, Тюд, – прошептала она. – За все.

– Я вот думаю, Венли, может, Эшонай как-то выжила и однажды снова придет в наш лагерь. Когда ты только вернулась... я подумал... я подумал, что это она. Всего на миг. Это глупо с моей стороны?

– Надежда – это не глупо, – ответила она, поморщившись. – Но, Тюд... я видела тело Эшонай. Прости. Мне следовало об этом упомянуть. Но ты же знаешь, Тимбре была сначала ее спреном.

Он взглянул на нее, напевая в ритме признательности. Хотел, чтобы она объяснила.

– Нас с Демидом послали забрать осколки моей сестры после ее смерти, – сказала Венли. – Вражде не было до нее дела. Для него Эшонай была расходным материалом. Думаю, тогда я и начала меняться. В тот день, когда мы ее нашли и я поняла, что никого не волнует ничего, кроме ее доспеха...

Внутри, успокаивая, забила Тимбре и добавила кое-что любопытное.

– Тюд, – продолжила Венли, – Тимбре говорит, Эшонай в момент смерти не принадлежала ему. Она вырвалась на свободу.

– Она была в буревой форме, – заметил Тюд. – Разве такое возможно?

– Мне это удалось, но только с помощью Тимбре. Она говорит... Эшонай тоже так сделала. Вышвырнула его из своей головы и была собой, когда умирала. С ним можно бороться.

Позади вереницы слушателей Венли разглядела, как по ущелью крадется огромная тень. Они настояли на том, чтобы тоже пойти. Пять ущельных демонов, включая их предводителя, которого все звали Тучегромом. Или же он первым принял решение больше не драться, а когда самый крупный и опасный демон счел, что мелкие существа с Расколотых равнин его победили, остальные последовали за ним.

– Тюд, возможно, мы в состоянии что-то предпринять в том конфликте, – допустила Венли. – Возможно, нам следует вступить в бой, как я уже предлагала.

– Нет.

Она подняла повыше самосвет, чтобы озарить его лицо.

– Венли, – сказал он, – мы не будем сражаться. Я решил снова тебе поверить, но ты не наш вождь. Среди нас едва ли насчитаешь тысячу взрослых. У ущельных демонов и того хуже. Немногим больше сотни особей? У меня ощущение, что их число быстро сокращается. Если будут еще жертвы, у них возникнут трудности с размножением. Мы не будем участвовать в этом бою.

– Наша численность – моя вина. Если бы я не...

– Мне не верится, что я это говорю, но, Венли... перестань. Что сделано, то сделано. Мы все сожалеем о случившемся. Но... нашего уничтожения желал злой бог. Я стараюсь тебя не ненавидеть. Нам обоим пойдет на пользу, если мы оставим те события в прошлом.

Венли вздохнула, но Тюд был прав – и насчет нее, и насчет неучастия в бою. Она сомневалась, что слушатели вообще пошли бы с ней в этот поход, если бы не вступились спрены, а ущельные демоны не подтвердили существование странного тона.

– Никаких боев, – сказала она Т்யуду. – Я рада, что ты и вся Пятерка предпочли пойти. Любое решение, разумеется, за вами.

Он запел в ритме непреклонности. Джакслим осталась в лагере, поскольку нельзя было одновременно рисковать ею и Венли – хранительницами песен. Но вся Пятерка отправилась, назначив других, кто займет их места, если они не вернуться. Венли не могла отделаться от мысли, что точно так же поступили перед первым визитом к людям. Во время той судьбоносной поездки они убили Гавилара и заварили эту кашу.

Венли настроилась на ритм мира и зашагала дальше, надеясь, что не несется навстречу сходному катаклизму. Путь к центру по изгибистым ущельям займет немало времени, но идти по поверхности плато было бы самоубийством, с учетом патрулей Небесных и ветробегунов.

Только здесь, во тьме, среди извивающихся растений они находились в безопасности и пробирались все дальше вглубь, как кремлецы через подлесок.

71. Предположения

Я не ставлю себе цель положить начало новой религии или спровоцировать раскол в воринизме. Тем не менее я утверждаю, что в самые темные моменты рядом со мной было что-то, и то не была сущность, которую мы зовем Всемогущим. Он мертв. А даже если бы не был, его действия вызывали бы у меня растущее подозрение.

Из эпилога «Давшего клятву» Далинара Холина

Сзет обошел вокруг светового пятна на полу светоплетского монастыря, где мирные солнечные лучи падали сверху на тридцать иллюзорных фигур. Как ему выбрать правильную? Он рассмотрел каждую по очереди. Приглядевшись внимательнее, подметил мелкие различия: волосы по-разному зачесаны, глаза разных цветов, пояса на платьях завязаны разными бантами. По его лицу катились капли пота. Он не мог определить, какая из них «совершенна», а какая нет.

Шквал... как ему вообще победить светоплета в его же стихии хитрости? Он мог решиться лишь на одно. Следует ударить наугад и поверить в судьбу. Сзет призвал клинок – и понял, что потерпит неудачу.

– Хм-м-м... – произнес женский голос у него над ухом.

Сзет оглянулся и ничего не увидел.

– Ага, – шепнула Сил, – лукавые светоплеты со своими хитростями. Что ж, если твой спрен не желает помогать, помогу я.

– Тебе... не следует здесь находиться, – прошептал Сзет.

– Нейл сказал, что Каладину нельзя вмешиваться, но насчет меня он ничего не говорил. Я же бог, верно? Кусочек бога?

– Разумеется.

– А ведь богам молятся о ниспослании помощи?

– Да.

– Значит...

– Помогите мне, пожалуйста, – не раздумывая ни секунды, выпалил он.

– С радостью. Говори тихо, не произноси моего имени, и пусть думают, что ты беседуешь со своим спреном.

– Только соблюдай правила. Не трогай их.

– Ладно-ладно, – шепнула Сил. – Давай пройдемся вдоль вот этого ряда. Хм-м-м... Они все различаются. Самую малость.

– Нам нужно найти совершенную. Но как понять, какое изображение Вестницы «совершенно»? У половины глаза зеленые, у половины – фиолетовые.

– Ровно пополам?

Сзет задумался и пересчитал:

– Шестнадцать – с фиолетовыми. Четырнадцать – с зелеными.

– Похоже, это сделано намеренно. Можем ли мы что-то из этого заключить? Скорее посчитай, у скольких фигур волосы зачесаны налево, а у скольких – направо.

Он посчитал. Снова шестнадцать и четырнадцать. То же и с бантами: шестнадцать завязаны сложным узлом, четырнадцать – простым.

– Итак, – сказала Сил, – как мы решим: у «правильной» Эш будут более распространенные черты или менее распространенные?

– Совершенство – редкость, – изрек Сзет, – значит менее распространенные?

Ему отнюдь не нравилось наудачу прикидывать варианты в столь важном деле. Но, с другой стороны, он вообще собирался бить наугад. Помощь Сил ослабила его напряжение, и Сзет обнаружил, что невероятно благодарен за это. Они обсудили нюансы и методом исключения нашли версию Шуш, в которой сошлись все редкие черты. Зеленые глаза, волосы зачесаны налево, бант завязан простым узлом, кольцо на пальце... и еще множество признаков.

Они остановились напротив нее, третьей слева в заднем ряду. Сзет приготовил меч.

Но вдруг засомневался. Что же не так?

– Тебе не кажется... что это слишком просто? – прошептала Сил ему на ухо.

– Кажется.

– Много ли ты знаешь о человеке, придумавшем эту загадку?

– Да.

– И что это за человек?

– Очень умный. И уверенный в своем уме. Как и большинство светоплетов, которых я встречал.

Сил задумалась и сказала:

– М-да, вероятность того, что мы решили загадку так легко, ноль процентов. Я бы поставила свое левое ухо – оно никогда мне не нравилось, – что нам и полагалось выбрать эту иллюзию. Не потому что она правильная, а потому что это наиболее очевидный выбор.

– Тогда что нам делать?

– Надо копнуть на уровень глубже. Отбросить очевидные варианты.

– Как же нам вообще что-то понять? – спросил Сзет, проходя до конца ряда и вглядываясь в строй почти одинаковых версий полубогини. – Мосс умнее меня. Он наверняка рассмотрел все возможности.

– Я думаю...

– У них на лицах маленькие родинки, – отметил Сзет, вновь шагая вдоль ряда. – Может, нужно найти ту, у которой нет подобного изъяна? Вот только это тоже кажется слишком очевидным.

– Ага, и не совсем точным, – отозвалась Сил. – Чем именно родинка делает кого-то менее совершенным? Это еще один способ для нас решить, что мы разгадали код, только чтобы проиграть. Я так думаю.

Ее неуверенность отражала собственные сомнения Сзета. Он терялся в догадках, все предположения казались... хлипкими, поверхностными. Найти Шуш, которая чуть выбивается из ряда? Или ту, что держит голову прямо, тогда как у других она слегка склонена набок? Любой из вариантов мог быть решением, но чем это делает остальных менее совершенными?

Зная Мосса...

– Он захочет выиграть, какой бы выбор я ни сделал, – рассудил Сзет. – Это же такого рода загадка? Такая, где он не проиграет, что бы я ни выбрал.

– А-а-а... – протянула Сил. – Ты почти наверняка прав. Что в точности он сказал вначале?

– Он сказал, что почти все иллюзии в чем-то несовершенны. Но одна – это он, скрытый за совершенным лицом. – Сзет помолчал. – Он также сказал, что находится в кругу света, то есть не прячется где-то в другой части помещения.

– Ага, – отозвалась Сил. – Лгать бы он не стал, потому что это было бы жульничеством. Если ответ невозможно найти в принципе, это не загадка. Хм-м... Секундочку.

Мгновение спустя она предложила:

– Пролети над ними. Давай выясним, не образуют ли они интересный узор.

Сзет сплетением поднялся в воздух напротив окна в крыше, отбросив тень на стоявших внизу.

Вместе с Сил он внимательно рассмотрел строй из пяти рядов по шесть фигур и произнес:

– Я ничего особенного не вижу.

– Ты ведь учился у него? – спросила Сил. – Нет ли какой-нибудь подсказки в том, чему он учил?

– Это было давно, да и светоплетение никогда мне особенно не давалось.

И все же было бы очень в духе Мосса спустя столько лет сослаться на какое-нибудь мало-значимое наставление.

Сзет обдумал эту мысль.

– Меня учили, что одна из основных тем светоплетения – обман. Речь не идет о совершенстве, поскольку ни одна иллюзия совершенной не будет. На этом мы с ним сходились. Тогда все эти иллюзии несовершенны по определению.

– Но он утверждал, что он одна из фигур, – уточнила Сил.

– Ну, он сказал, что прячется за одной из версий Шуш. «Одна из них – я, скрытый за лицом, которое совершенно...»

Сзет посмотрел вниз со своей высокой точки – и увидел. Как и в других монастырях, на полу было панно с изображением одного из Вестников. Здесь – лицо Шуш. В камне.

Совершенное.

– Шквал! – воскликнула Сил. – Пол!

Больше доказательств не требовалось. Сзет призвал клинок и рухнул вниз, вонзив меч в напольные плиты, прямо в глаз Шуш.

– Сзет! – шепнула ему Сил. – Это был импульсивный поступок!

– Ты ведь тоже увидела, – ответил он, наблюдая, как распадается светоплетение и вместо фигур предстает сборище изможденных, будто оглушенных аколитов с опухшими глазами.

«Аколиты?! – подумал Сзет. – Он скрыл за иллюзиями Шуш людей? Зачем?»

Это было жестоко со стороны Мосса. Если бы Сзет поразил одну из фигур, он убил бы скрытого за ней человека.

– Мы могли бы это обсудить или что-то в таком роде, – прошептала Сил, оставаясь невидимой.

– И дать ему время понять, что мы догадались? – отозвался Сзет, опуская взгляд на пол.

Он рассек плиты, открыв схрон в камне под панно. Там лежала одежда Мосса: после удара осколочным клинком он, как и другие, расточился тьмой, оставив свой меч. Сзету пришлось прорубить камень, чтобы подобрать его клинок, с волнистыми узорами вдоль обуха и круглым отверстием в навершии.

– Я все же считаю, это было безрассудно, – сказала Сил.

– Иногда нужно просто принять решение, – подхватывая меч, ответил Сзет.

Пока к нему шли Каладин и Нин, он осознал, что эти слова – чистая правда.

* * *

Тихое место для размышлений Ясна нашла там, где никто бы от нее не ожидал. В храме.

Будучи в Тайлене, ее дядя Далинар применил свои способности для восстановления одного древнего храма. Ясна до сих пор не понимала, как ему это удалось: силы узокователей работали очень странно. Безусловно, каждый из орденов Сияющих демонстрировал, что особые проявления его потоков могут быть необычными, но узокователи делали это совсем на другом уровне.

Восстановленный храм Таленелата теперь считался в Тайлене местом, превосходящим по святости прочие храмы, и отводился для использования Сияющими. Поскольку комнаты Ясны по ее же просьбе располагались рядом с покоями других военачальников... что ж, раз ей требовалось тихое место, тут было идеально. В этом торжественном круглом зале, украшенном фресками и каменными охранными глифами во славу Всемогущего, ее никто не побеспокоит.

Ясна устроилась в задней части зала, между двух колонн, у барельефа с изображением Тальна – Испытавшего муки. Черты лица были переданы по большей части верно. Здесь установили операционный стол и стулья. Это помещение использовали для исцеления, когда в городе оказывался гранетанцор или правдогляд.

Она разложила на операционном столе блокноты и бумаги, но садиться не стала. Через нее словно пробежал электрический ток, какой можно создать, проводя старый опыт с использованием пропитанной соляным раствором ткани и различных металлов. Молния в клетке. В молодости Ясна видела на съезде именитых ученых, как одна исследовательница с помощью этого процесса заставляла сокращаться мышцы уже мертвого кремлеца.

Ясна обошла стол по кругу. В голове роились мысли. Вражда знает, что город не взять, не понеся чрезвычайные потери. В сущности, даже понеся чрезвычайные потери, он, скорее всего, потерпит здесь неудачу. Тайлен едва ли стоит штурмовать. Тем не менее Вражда идет сюда и оставляет себе на захват города всего пару дней.

Что она упускает?

Что они все упускают?

Айвори вырос до полных размеров и следил за ней с явным весельем. Он расслабленно встал у дверей, положив руку на короткий меч: фигура целиком из чернильно-черного мрамора радужно отблескивала, как масло на воде, когда свет падал под определенным углом.

Он предоставил ей пространство и тишину для размышлений. К сожалению, теперь, оказавшись здесь, Ясна обнаружила, что ответы от нее ускользают. Она записала вопросы для обдумывания, как надлежало по заученной схеме, приманив рой спренов логики, похожих на маленькие тучки.

Каждая мысль приводила к ответам, которые казались неправильными. Теория эмоциональной основы призвала рассмотреть, что движет участниками: какие эмоции могут побуждать их действовать именно так? Существует ли какая-то неуловимая личная причина, по которой Вражда хочет заполучить город? Быть может, его до сих пор терзает неудача, которую он потерпел здесь год назад, и потому он жаждет отыграться?

Вот только это новый Вражда, и, хотя сила, возможно, и жаждет реванша, кто знает, чего хочет новый Сосуд? Ясна ступала на почву домыслов, слишком шаткую, чтобы считать, что она способна вывести его мотивы. Кроме того, ей никогда не нравилось предполагать, что противники совершают ошибки. Да, распознавать и использовать их промахи важно, но недооценивать врага – плохая привычка, чреватая худшими последствиями. Если же руководствоваться тем, что враг принимает верные решения, и все равно им противодействовать, это часто приводит к важным открытиям.

Если исходить из того, что враг компетентен, каков ее следующий шаг? Возможно, формалистская теория: выписать предпосылки и попытаться выстроить логичный ход. Однако это слишком напоминало то, чем они занимались с военачальниками, а они в состоянии разработать планы на разные случаи лучше Ясны. Ей требовалось выявить то, чего они не видели.

Это подвело ее к экономической теории, учившей проследить стимулы. Есть ли какие-то неосязаемые активы, которые можно получить, напав на Тайлен? Шквал! Неужели Вражда попросту отвлекает их силы? Вынуждает оттянуть ограниченные ресурсы от сражений, которые есть риск проиграть, и вбросить их в бой, который и так почти наверняка будет выигран?

Такая гипотеза выглядела полезной. Ясна занялась ее рассмотрением. Пока делала пометки, вокруг руки вились спрены логики. Фэн – одна из двух сильнейших союзников. Еще она громогласна и вспыльчива и потребовала помощи городу, который и без того многое перенес. Коалиция с большой вероятностью направила бы ресурсы в Тайлен, чтобы его не пришлось заново отстраивать во второй раз. Да... все это могло привести к тому, что в защиту города вложились бы сверх меры.

Может ли это нападение на самом деле быть способом обеспечить нехватку ресурсов в двух других атакованных точках – в Азимире и на Расколотых равнинах? Тут Ясна столкнулась с проблемами своей предпосылки. Если твоя цель – всего лишь оттянуть силы противника с других полей сражений, то зачем точно так же оттягивать и собственные силы?

Может быть, это войска, которые не получалось задействовать в других местах? Нет... они могли бы отправиться через Шейдсмар в Азимир. Может, не нашлось мандра, чтобы дотащить корабли на такое расстояние в срок? И что насчет Расколотых равнин? Мог ли враг вовремя доставить армию туда, подогнав Бурей бурь?

Ясна произвела вычисления и почувствовала, что, возможно, что-то нащупала. Но спустя час раздумий, просмотра цифр и записи мыслей... уперлась в стену.

– Айвори, – окликнула она спрена, – отвлеки меня.

Он к такому привык.

– Храм, – произнес он от дверей, где стоял в полный рост. – Ты пришла в храм подумать?

– Здесь тихо. И красиво.

– Даже спустя столько лет я не всегда понимаю человека, которым ты являешься, Ясна, – заметил он. – Разве это место не должно тебя злить? Ты отрицаешь божественность, что лежит в самой основе религии. Отрицаешь веру людей, его построивших.

– Мелкая придирка, – отозвалась Ясна, – я не отрицаю наличие веры у построивших храм людей. Как не отрицаю и вдохновляющую силу этой веры.

– Но ты находишься в оппозиции к их богу.

– Более значимая придирка. Я не в оппозиции к их богу, поскольку их бога – такого, каким его представляют, всесильного и всеведущего – не существует. Противостоять ему я могу не больше, чем воображаемому другу детства: нельзя бороться с чем-то или противостоять чему-то несуществующему. Я противостояю принятым у людей предположениям, потому что, если исходить из ложных предположений...

Ох, Преисподняя!

Ложные предположения.

Она забыла о принципе, лежащем в основе любого логического анализа: изучи свои предпосылки. В чем заключаются ее? Ясна подняла палец, останавливая Айвори, который опять же привык к подобным вещам.

«Предпосылка первая: Вражда в самом деле хочет захватить Тайлен».

Это казалось разумным, исходя из всего, что они знали.

«Предпосылка вторая: город хорошо защищен».

Эта предпосылка выглядела сильной – по крайней мере, Ясна доверяла адмиралам и генералам.

Что еще? Что она упускает?

Осознание поразило ее как удар грома.

«Предпосылка третья, – написала она. – Сюда в самом деле движутся шквальные войска».

Обливаясь холодным потом, Ясна увидела, в чем они ошибались. Идущие в этом направлении корабли не означали войска. Фэн была поражена тем, что враг сумел собрать армию для нападения на ее столицу. Ну а если он и не собирал? Что, если у него были суда – флот из Веденара и корабли, украденные из самого Тайлена, – и переодетые певцы, но не настоящие войска? Что бы он сделал в такой ситуации?

Он бы отправил сюда флот. Медленно. Чтобы вынудить противника готовиться, оттягивать ресурсы... и ждать армию, которая в действительности не придет.

Ясна встала, широко распахнув глаза.

– Ты нашла, – понял Айвори. – Ответ есть?

– Гипотеза есть. Мне нужно, чтобы разведчики-ветробегуны сделали нечто потенциально опасное, но также потенциально жизненно важное. – Она подняла взгляд. – Мне нужно, чтобы они подобрались очень-очень близко к этим кораблям.

72. Опасна статистически

Я осознаю, что в каком-то смысле это нелепо. Я заявляю о смерти бога, и я же отрицаю идею, что никакого Бога не существует. И все же само мое существо – душа, разум, тело – восстает против мысли, что там никому нет дела. Кому-то должно быть.

Из эпилога «Давшего клятву» Далинара Холина

Пока Сзет добывал самосветы из хранилища в монастыре, Сильфрена вновь появилась рядом с Каладином – в человеческий рост, потому что так казалось правильно. Она оглядела собрание аколитов, стоявших под иллюзиями. Люди! Мосс использовал в своем испытании живых людей. Какая неоправданная жестокость! Иллюзии не требовалось прикреплять к человеку, Шаллан сплошь и рядом создавала их сами по себе.

Когда Сзет вернулся с заряженными самосветами, Сил вместе с ним и Каладином выплыла наружу из монастыря. Нейл бросил на нее взгляд. Испепеляющий? Он не хмурился. Можно ли испепелять взглядом, не хмурясь? Пожалуй, стоит спросить у какого-нибудь спрена гнева.

Она улыбнулась Нейлу. Мило, поскольку толика милоты улучшает практически любую ситуацию. Особенно когда кого-то раздражает.

Сзет изучал только что выигранный Клинок Чести, стоя в каменном портике на выходе из монастыря. У него за спиной, в зале, бедняги-аколиты понемногу начинали неуклюже двигаться и обниматься, избавившись от влияния тьмы.

Каладин присел на корточки рядом с Сзетом, который стал разворачивать все более громоздкий сверток с мечами, чтобы прибавить к ним новый. Кровь Ночи тихо попросил его затупиться на время путешествия.

– Я впечатлен, – сказал Каладин. – Как ты разгадал эту загадку?

– Со мной было благословение спренов, – ответил Сзет.

Нейл, стоявший со сцепленными за спиной руками, будто огромная каменная статуя, посмотрел на Сил еще более испепеляюще.

Какое странное чувство! Такое, когда расправляешь плечи под испепеляющим взглядом. Испортить день этому человеку – практически лучшее дело в жизни. Вот только... почему ее мысли постоянно возвращаются к этой странности – использованию слуг за иллюзиями? Дурацкий мозг! То не может отпустить мысль, а то настолько переполнен глупыми мыслями, что никак не выберет одну.

Сзет победил.

Вот только...

«Чтобы пройти испытание, – сказал светоплет, – тебе нужно выбрать одну версию меня, ударить клинком в глаз и убить. Затем ты должен ускользнуть из монастыря с моим клинком».

«Затем ты должен ускользнуть с моим клинком...»

– Рад, что там был не я, – сказал Каладин. – Думаю, я бы с ума сошел.

– Нет, – возразила Сил, заставляя себя вернуться в настоящий момент и присаживаясь рядом с ним возле клинков. – Тебе бы помог твой спрен, ведь так и должны работать узы. Мы оба даем и оба получаем. Симбиоз, как на картинках с кремлецами, которые мне показывала Шаллан.

– При чем тут кремлецы? – нахмурился Каладин.

– При всем, – ответила Сил.

Сзет перевязал обернутые тканью мечи и выпрямился. Из монастыря потоком хлынули люди и с плачем попадали перед ним на колени, как было и в других подобных местах. Здесь, в похожей на ущелье лощине с журчащим позади Нейла ручейком, это казалось более... личным.

Люди обступили Сзета на открытой площадке перед монастырем. Каменистая земля вокруг во многом смахивала на обычный Рошар, почти без грязи или грунта. Священное место, хотя почему спренам камней доставалось столько поклонения, было выше понимания Сил. Спрены камней почти такие же глупые, как спрены палок, а это кое о чем говорит.

«Но древние камни хранят память о земле, когда-то давно не знавшей ни людей, ни певцов...» – подумала она.

Каладин, улыбаясь, поднялся на ноги. Сил было ясно: он любит эту часть за то, что она напоминает Сзету: он сражается ради чего-то. Идеалы – глупость, если за ними не стоят люди. Так странно, что целый орден Сияющих этого не понимает!

Сил хотелось взвиться в воздух и отправиться на поиски спренов жизни. Ей подумалось, что здесь, в этом почти правильном месте с ручьем и деревьями, они могли бы быть.

Но мозг... Ее дурацкий мозг...

Мозг не успокаивался из-за Мосса. Тот полагал себя таким умным, а теперь мертв. Вот оно.

Мозг вцепился в мысль. Будто челюсти.

Держал. Крепко. Сжимался.

«Двадцать девять из стоящих перед тобой безобидны; одна из стоящих здесь смертельно опасна».

Двадцать девять не представляли угрозы, но одна была смертельно опасна. Светоплет не стоял, он лежал.

Сил посмотрела на Сзета, на его слишком блестящую, слишком безволосую голову. Двадцать девять человек не несли угрозы... но оставался ли один смертельно опасным? Тот, кто придумал подобную загадку, скорее всего, постарался бы сформулировать как можно точнее. Стал бы он прятать в одной загадке две?

«Это твое истинное испытание...»

Сил резко выпрямилась и схватила Каладина за плечо. По-настоящему схватила! Со всей силы. Он потрясенно оглянулся.

– Каладин, – прошипела Сил, – один из этих аколитов попытается убить Сзета.

Он моргнул, осознавая сказанное.

И поверил ей.

Не колеблясь ни мгновения, Каладин призвал копьё. Сил пошла к нему: ее сущность перетекла в оружие, ее осознанность стала его. В такие моменты ее восприятие накладывалось на восприятие Каладина, она видела его глазами. Не совсем точно. У нее оставалось собственное восприятие, не совпадавшее с его. Никогда они не бывали ближе, чем в такие моменты, когда Каладин, будь он благословен, просто доверял ей.

Он взял копьё обеими руками и увидел. Вспышку в воздухе, когда среди окруживших Сзета людей одна женщина – немолодая, представительная, – взмахнув ладонью, призвала клинок, чтобы поразить его в спину...

И получила прямо в ухо удар копьём от Каладина.

Ее глаза выгорели, она рухнула на землю. Аcolиты закричали и бросились врассыпную.

Сзет запоздало развернулся.

– Жульничество, – спокойно произнес Нейл. – Тебе помог ветробегун.

Сзет устоял на покойнице, расточившуюся дымом. Он благоговейно опустился на колени и поднял ее Клинок: длинный, изогнутый, с затейливым орнаментом у рукояти.

– Носительница Чести – правдогляд? Я ее не знаю. А что насчет Вамбры-дочери-Небес? Она была так молода...

Моргнув, Сзет взглянул на Каладина, который смотрел на Сил.

Она появилась в полный рост, когда он отпустил копьё, и принялась объяснять:

– В прошлый раз на тебя напали двое носителей Чести, и я подумала: «Хм, а с чего бы им в этот раз посылать одного?» А потом подумала: «У Сзета смешная голова без волос». Но потом подумала: «Так, светоплет сказал, что двадцать девять иллюзий неопасны». И... э-э... все остальное просто встало на свои места.

Она пожала плечами.

– Ты об этом знал?! – спросил Каладин, круто разворачиваясь к Нейлу.

– По завершении паломничества перед Сзетом-сыном-Нетуро встанет трудная задача, – произнес Нейл, не шелохнувшись. – Мы должны быть уверены, что она ему по силам.

– Какая задача? – требовательно спросил Каладин.

– Это не имеет значения, – ответил Нейл. – Он сжульничал, приняв твою помощь. Правила нарушены.

– Какие правила? – тихо поинтересовался Сзет.

Сил, а за ней и Каладин медленно обернулись к Сзету, сидевшему на коленях с новым Клинком Чести в руках. Теперь, когда монастырская прислуга разбежалась, в воздухе царила необычайная тишина.

Сзет поднял взгляд и посмотрел в глаза Нейлу:

– Какие правила я нарушил, Нин-сын-Бога?

– Правила совершения паломничества.

– Когда Позен затащил меня в Шейдсмар, я спросил о правилах, – прошептал Сзет. – Он сказал, что для этого испытания нет установленных правил. Если бы они были, на меня не могли бы напасть двое носителей Чести одновременно. Верно?

Нейл не ответил.

– И на меня не могли бы напасть за границами самого монастыря.

Сзет встал и кивком указал на Каладина:

– Этого человека назначили мне в помощь. Поскольку он выполнял свою задачу, а правил для данного паломничества не существует... я не вижу, как можно было их нарушить. Сэр.

Сил присвистнула от полного отсутствия эмоций в голосе Сзета.

Двое неболов молча стояли друг против друга, один в черном мундире, второй в белом, – пока Нейл не заговорил.

– Ты прав, а я ошибся, – сказал он. – Паломничество продолжается. Неси свои трофеи с гордостью. Идем. Мы посетим правдоглядческий монастырь ради соблюдения формальностей, затем направимся в оставшиеся три. Они станут для тебя самыми сложными, в каждом – неповторимое испытание.

– И всё? – воскликнула Сил, закипая от ярости. Она не была спремом ветра, но уж точно при желании могла создать ощущение бури. – И всё?!

– Чего еще ты хочешь от человека, который ошибся? – спокойно спросил Нейл, развернулся и зашагал к ступеням.

Сил двинулась было за ним, но остановилась, поскольку Каладин поймал ее взгляд и покачал головой. Она дала этому шквальному человеку уйти. Сзет аккуратно примотал самый новый меч – шестой добытый на данный момент – к рюкзаку Каладина. Но...

– Постой, – сказала Сил. – Еще три монастыря, не считая правдоглядческого, ведь этот меч уже у нас. Тут точно все сходится? У нас шесть мечей, но разве в общей сложности их не должно быть десять?

– Ветробегунский меч испорчен, – бросил ушедший вперед Нейл.

Он повернулся и поплыл вверх по воздуху, вместо того чтобы взбираться по ступеням.

– Нашего короля, Йезриена, убил ветробегун-предатель Вайр. В тот миг Вражда забрал его Клинок Чести себе и испортил.

Сказав это, Нейл приземлился на вершину холма и, зашагав дальше, пропал из виду.

– Хм, – произнесла Сил, глядя на двоих мальчиков. – Кто-то из вас это знал?

– Частично, – ответил Каладин. – Не знал о порче.

– Я не спрашивал, и мне безразлично, – буркнул Сзет, направляясь мимо них к ступеням.

Потом – удивительное дело! – остановился и вернулся.

– Я очень ценю вашу помощь. Вас обоих. – И побежал догонять Нейла.

Сил скрестила руки на груди. Она ощущала свои руки. Так же, как чувствовала соприкосновение пальцев ног, когда они у нее имелись. Для себя самой она всегда была материальна.

Она взглянула на Каладина, тот покачал головой:

– Знаю. Тоже это чувствую.

– Как соприкасаются твои пальцы ног? – уточнила Сил, склонив голову к плечу.

– Мои... что? Да нет, Сил, досаду я чувствую. Нейл бесит. Он в действительности не соблюдает закон, он меняет свое восприятие, мотивацию и даже мораль по щелчку пальцев. Он ведет себя так, будто сделан из железа, но стоит ткнуть ему в нос логической нестыковкой, как он или переводит тему разговора, или уходит.

– Каладин, я думаю, он поломан не меньше, чем Тальн или Эш... может, даже больше.

– До состязания всего четыре дня. – Он сделал паузу. – Я... в самом деле не найду Ишара, чтобы привести на помощь Далинару? Не вернусь вовремя, чтобы увидеть состязание? Шут... Шут был прав?

– Боюсь, что да, – ответила Сил. – Но для тебя есть цель здесь. Шут так сказал.

Каладин поднял взгляд:

– Ветер говорит, я должен сделать что-то важное... возможно, даже важнее состязания. Во всяком случае, по ее мнению. Но что это вообще может быть?

– Допустим, привести в чувство Ишара? – предположила Сил.

– Далинар сказал, что изменить Ишара может произнесенная в нужный момент клятва, – прошептал Каладин и, глубоко вздохнув, сфокусировал взгляд на взбиравшемся по ступеням Сзете. – Но я все чаще замечаю, что беспокоюсь только о Сзете. Слишком. Сил, оно опять берет надо мной верх. На смену раздражению пришла боль, оттого что я не способен ему помочь. Точно как с Четвертым мостом. Подступает чувство оторванности, будто я останусь единственным выжившим, когда все остальные угаснут...

Сил взяла его за плечо, сосредоточилась и, приложив усилия, продавila мундир пальцами. Увидев это, Каладин улыбнулся.

– Мы в пути, – сказала она. – От того, какими мы были, к тому, какими хотим стать. Мы оба.

– Только я не вполне понимаю, что мне полагается делать.

– Что ты там твердишь Сзету насчет того, что ему нужно делать? Что бездумное следование приказам или законам не так важно, как поиск собственного пути?

– Ладно, ты права. Как обычно.

– Не говори так.

– Потому что?

– Потому что я хочу быть правой, только когда я права, а не потому что этого ждут. Это часть моего пути, Каладин.

– Жить для себя, а не только для других, при этом все еще желая поддерживать меня.

– Точно так же, как тебе нужно защищать, но так, чтобы это не составляло всю твою жизнь.

– Я должен помогать, не доходя до одержимости. – Он внимательно посмотрел на Сил. – Ты правда гениальна. И в этом, и в том, как выручила Сзета. Ты невероятная.

Вот! Она этого ждала.

Сил поднялась на несколько дюймов над землей.

«Но не делай этого только ради него, – сказала она себе. – Делай, потому что сама так хочешь».

– Значит, будем искать баланс, – заключил Каладин. – Как-нибудь.

Он глубоко вдохнул, шумно выдохнул и взмыл в воздух, направляясь вслед за остальными.

* * *

Шаллан расхаживала взад-вперед по своим покоям в военном лагере Себариала на Расколотых равнинах. Как и в предыдущих маленьких анклавах, созданных в Духовной реальности, цвета дробились и обстановка казалась не вполне настоящей. Рлайн с Ренарином сидели за столом в гостиной, а спальню заливал естественный свет из окна. Шаллан неоднократно выбиралась тайком из этого окна, еще когда только проникла к духокровникам.

В отличие от спутников, Шаллан – при содействии Глиса – оформила пространство для ожидания не в виде своей детской спальни. Так было однозначно правильно для всех. В целом ей становилось лучше, но, если бы они попытались посетить то воспоминание, они бы в конце концов оказались в комнате с белым ковром, ставшим красным, и по меньшей мере с одним трупом.

– Странно, – произнес Ренарин. – Я не чувствую ни усталости, ни голода. Глис не может сказать, сколько мы здесь находимся, но наверняка мы провели в Духовной реальности порядка десяти часов.

– С Туми так же, – отозвался Рлайн. – Думаю, время для них слишком расплывчато. Он склонен мыслить категориями «что было» и «что будет», но без временных рамок того или другого.

Ренарин постучал пальцем по столу:

– Ученые тетушки Навани говорят, что материя, энергия и буресвет – это одно и то же, только в разных состояниях. Это место, похоже, целиком состоит из буресвета, или инвестиции, или что оно там. Попад сюда, не стали ли и мы буресветом? Если так, то что будет с нашими телами при выходе?

– Наверное... наверное, мы восстановимся? – предположил Рлайн.

– Если допустить, что это так, – сказал Ренарин, взглянув на Шаллан, – сможем ли мы вынести с собой какие-то предметы? Заново сформировать их из духовного аспекта? Что бы мы могли создать, если бы управляли этим местом?

Вопрос важный, но сосредоточиться на нем Шаллан не могла и продолжала расхаживать.

– Все еще беспокоишься, как убить духокровников? – догадался Рлайн.

– Я дура, – ответила она. – Убить их здесь практически невозможно. Они способны излечиваться, а буресвет тут повсюду. Я думала, антисвет окажется опасным, но он не навредил Мрейзу точно так же, как не навредил мне.

– Глис говорит... – Ренарин склонил голову набок.

Спрен невидимкой спрятался внутри него, как делал порой. Узор находил такую привычку потрясающей.

– Глис говорит, что человеческие души состоят из инвеституры, но обычно не в той концентрации, чтобы возникала реакция с анτισветом.

– Что? – спросила Шаллан, спеша к нему. – Ты что-то знаешь? Что он сказал?

– Он говорит, их спрены пострадают от анτισвета, – признался Ренарин, отводя взгляд. – Так что... можно убить их спренов или серьезно ранить. Но их будет тяжело вычислить, если они прячутся внутри тела.

– Я думал, что Глис и Туми – его. Пустосветные, – произнес Рлайн в спокойном ритме.

– Они смесь, – ответил Ренарин. – Глис говорит... о каком-то ритме войны... – Он покачал головой. – Туми относится с таким же безразличием? К возможному убийству нами его братьев или сестер?

– Мы же постоянно убиваем других людей, – пожала плечами Шаллан.

– Мы так не делаем! – воскликнул Ренарин и залился краской. – В смысле, я так не делаю... Тем не менее мне все это кажется поразительным. Свет. Анτισвет. Инвеститура. Энергия.

– Не потому ли твой отец всегда хотел, чтобы ты стал ревнителем? – спросил Рлайн в ритме любопытства. – Из-за манеры задавать вопросы и рождать интересные мысли?

– Все так. Не знаю, отказывался ли я, только чтобы воспротивиться тому, чего от меня ждали, или потому что казалось, что стать ревнителем означало похоронить все отцовские надежды на меня.

– Ренарин, ты не обязан жить в соответствии с чьими-либо ожиданиями, – сказала Шаллан, останавливаясь рядом в потоке льющегося из окна до странности яркого света.

– Я знаю, – ответил Ренарин. – Мы вечно говорим что-то подобное, Шаллан, – те, кто вне ситуации. Это в целом верно. Я не обязан подстраиваться, становиться воином и великим князем, чего все ждут от сыновей моего отца. Но я беспокоюсь, что мы в пылу забываем, что нечто не становится хуже только оттого, что является более стандартным или привычным. Мои ценности сформированы окружающими, теми, кого я уважаю. Из-за этого невозможно отделить то, чего хочет от меня отец, от того, чего хочу я сам: его идеалы во многом стали моими. Попытка полностью отделиться от этого влияния означала бы в то же время отторжение того, кто я есть. И... я снова это делаю. Теряюсь в собственных мыслях.

Он посмотрел на Рлайна в поисках поддержки.

– Меня эта твоя черта восхищает, – одобрил Рлайн. – Я никогда всерьез не задумывался, откуда взялись мои идеалы. – И положил ладонь на стол, рядом с рукой Ренарина.

«Не обращай внимания на их флирт, – мысленно сказала себе Шаллан. – Надо спасать мир».

Она на время оставила их и подошла к Узору, стоявшему в дверях спальни:

– Эти двое слишком уж отвлекаются.

– Мм... – отозвался Узор.

– Не начинай.

– Что не начинать? Мне совершенно нечего сказать на тему молодых неопытных Сияющих, которые отвлекаются от важных событий на романтические увлечения. Совершенно нечего!

Она остановилась у окна:

– Тебе все лучше дается сарказм.

– Спасибо! – ответил он. – Кхм. По крайней мере, Ренарин выбрал только одного, на кого отвлекаться...

Шаллан закатила глаза. В ответ Узор бешено завертел своим узором, выдавая новые линии и завитки завораживающим потоком. Ну шквал побери! Теперь он что, превзошел ее в закатывании глаз? А долину лучше бы остаться в неведении, иначе она этого не переживет.

Шквал, Адолин...

Эти комнаты напоминали о нем, о тренировках с мечом под его руководством. О его страсти к искусству и о разгорающейся страсти к ней.

– Узор, – позвала она, – есть ли способ узнать, в порядке ли он? Я волнуюсь, как он там, в Азимире.

– Я не знаю, – тихо ответил Узор. – Прости.

Глупо было уже скучать по нему. Она ведь не провела здесь и... сколько? Полдня? Он, скорее всего, еще и в бой не ходил. И все же было бы гораздо лучше, если бы она могла обнять его здесь.

Шаллан вновь обернулась к Узору:

– Меня беспокоит то, как Мрейз нас одурачил, приняв вид Чести. Из-за этого мы запросто могли погибнуть. Кроме того, меня волнует, какие планы строит Иятиль.

– Мм... Думаешь, у нее есть график, или...

– Возможно, она позволяет Мрейзу нас отвлекать. Если так, то он хорошо справляется – и постоянно меня обходит.

Она вытащила нож с антибуресветом. Если получится добраться до их спренов... Подобная мысль казалась отвратительной. И все же то были вражеские бойцы.

Шаллан вернулась в соседнюю комнату.

– Кто-нибудь из вас видел спрена Мрейза во время наших взаимодействий?

Рлайн склонил голову набок:

– Туми говорит... у него возникало впечатление, что спрены наблюдают снаружи. Но здесь трудно найти того, кто не хочет, чтобы его нашли. Особенно спрена.

– Они будут осторожничать, как и наши.

Шаллан опустила взгляд на кинжал: он не распадался на цвета, в отличие от большей части видения. Зато он порождал небольшое завихрение вокруг себя, искривляя воздух, будто прокол в ткани реальности.

На ум ей пришла мысль.

– Может, мне и не придется им вредить, а удастся применить кинжал к Мрейзу. Я не рискнула исцеляться, пока в моем теле находился антисвет. И Мрейз сейчас тоже. Просто нужно ранить его так сильно, чтобы он не мог переждать, пока антисвет испарится из него.

– Глис говорит, может сработать, – кивнул Ренарин. – Если он вберет буресвет для исцеления и тот встретится с антисветом... это будет смертельно.

Шаллан твердо кивнула, но заметила:

– К сожалению, Мрейз лучший боец, чем я.

– Однако в последней стычке с ним ты отлично держалась, – произнес в одобрительном ритме Рлайн.

– Да, но бой легко мог завершиться иначе, и мне повезло, что я сумела отбиться. Если бы ему удалось ударить меня в спину, это могло бы стать концом. Хорошо бы для разнообразия получить над ним преимущество.

– И как нам этого добиться? – спросил Ренарин.

– Может, не входить в видения напрямую, а посылать туда что-то вроде аватар и самим наблюдать извне? – предложил Рлайн.

– Да! – воскликнула Шаллан. – В прошлый раз, покинув видение, я в какой-то мере могла разобрать, что там происходит. Светоплетение «тихое» и не привлечет внимания богов, преследующих ваших спренов. Можно проследить за духокровниками, а потом нанести удар, когда преимущество будет на нашей стороне.

Молодые люди переглянулись, вероятно связавшись со спренами. Шаллан обернулась на Узора. К нему присоединилась Кредо, до того лежавшая на очень мягкой кровати. Шаллан вспомнила, что посчитала эти апартаменты роскошью, когда только приехала. Теперь такая кровать больше не казалась ей пустой растратой. Шаллан заслужила отдых с комфортом, и следовало им наслаждаться в редкие моменты, когда она не неслась навстречу опасности. Она имеет право на некоторые излишества в жизни, как имеет право быть счастливой с Адолином, ценя его любовь.

Ей в самом деле становилось лучше. Вот только... на письменном столе у двери лежала горсть сфер без самосветов. Пустышки, для азартных игр без ставок – или, как в данном случае, для тренировки ловкости рук. Их дала ей Тин. Повинуясь скорее порыву, чем осознанной мысли, Шаллан подошла и накрыла несколько сфер ладонью, подменив их другими из кармана. Потом повторила прием – быстрым жестом задев стол и подняв другую руку для отвлечения внимания.

Подошел Узор и положил длиннопалую ладонь ей на плечо.

– Бесформенная говорит о каждом, кого я убила, о людях, принявших меня и доверявших мне, – прошептала Шаллан. – Это вызывает... жуткое чувство, когда я вижу всю картину целиком. Мать, отец, Кредо, Тин... Следующий Мрейз. Сколько людей, ставших мне близкими, я в конце концов убью? Почему со мной это случается так часто?

– Я не знаю, Шаллан, – ответил Узор. – Но, узнав людей получше, могу сказать следующее: у тебя очень плохо со статистикой.

– Это что, должно меня утешить?

– Да! Твое понимание чисел настолько ошибочно! В сущности, это весьма вдохновляет, да.

– Мне... нужна небольшая помощь, чтобы догадаться, о чем ты сейчас вообще, Преисподняя побори.

– У тебя плохо с математикой!

– Не говори так, Узор. Мое имя, по крайней мере, параллельно. Это математическое понятие.

– Твое имя?..

– Да.

– Параллельно?

– Шаллан, – произнесла она. – Две «л». Пара-эль.

Его узор замер. Потом, удивительное дело, спрен громко расхохотался:

– Это действительно смешно!

– Для справки, – подал голос Ренарин с дивана, – это не смешно. Правда.

– Ха-ха! – произнес Узор. – Он глупый. Слушайте, вы все глупые в том, что касается чисел. Вы неплохо справляетесь для существ с мозгами из мяса, но вы обо всем думаете неправильно.

Он утащил Шаллан из комнаты и наклонился ближе:

– Сколько ты убила из всех тех, с кем была знакома? Нескольких?

– Тех, кто был важен.

– Адолин? – спросил Узор. – Далинар, Навани? Братья, которых ты защищала? И даже если говорить только о наставниках, Себарияль и Палона до сих пор живы, вопреки всем их стараниям. И Ясна. Мм... Ты не опасна статистически для окружающих. Только для тех, кто пытается тебя убить.

– Кредо, – прошептала она.

– Ты работаешь над исправлением той ошибки. Шаллан, моя задача – оберегать тебя и помогать. Иногда я плохо ее выполняю! Но сегодня позволь сказать: в тебе я нашел существо искреннее. Это меня и привлекло: твоя искренность и твоя ложь в сочетании рожают

более важную правду. Ты не навредишь людям вокруг тебя. Не навредишь намеренно и больше любого другого человека. Статистика, которую приводит Бесформенная, – это обман: она берет правду и выворачивает наизнанку. Я тебе доверяю. Кредо тебе доверяет, несмотря на произошедшее. Мы тебя любим. По статистике – настоящей статистике – ты до сих пор отлично справлялась! У меня есть окончательная, математически подтвержденная вера, что ты и дальше будешь отлично справляться! Так что, пожалуйста, не слушай Бесформенную. Не оживляй ее.

Шаллан накрыла ладонью его руку, лежавшую у нее на плече.

– Когда ты научился так хорошо разговаривать с людьми?

– Я слушаю тебя, – тихо ответил Узор.

Она улыбнулась.

– И поступаю наоборот, – добавил он.

Его хватило только на то, чтобы выдержать короткую паузу, потом он хихикнул и шепнул, что это шутка. Шаллан снова улыбнулась и вышла в гостиную.

– Итак? – спросила она.

– Глис говорит, план Рлайна может сработать, – сказал Ренарин. – Мы не пойдем в следующее видение: отправим туда твоё светоплетение, а сами будем наблюдать.

73. Роскошь простоты

ШЕСТНАДЦАТЬ ЛЕТ НАЗАД

Сзет сделал выпад, скрежетнув тренировочным мечом по обуху меча противника. Обойдя защиту, оттолкнул его в сторону и рубанул сбоку по шее. Подбитая ватой кожа убергла от травмы, но оба бойца замерли, когда меч Сзета оказался там.

– Третье очко, – произнес голос из сумрачного угла помещения. – Победа присуждается Сзету-сыну-Нетуро.

Тишина.

Противник Сзета поднял руки и стянул тренировочную маску – душезаклятую жесткую сетку напротив лица с боковинами из какого-то странного блестящего белого материала, легкого, но достаточно прочного, чтобы выдержать удар мечом. Гонда-сын-Дариаса вытер ручьем стекавший по лицу пот и кивнул Сзету, затем повернулся и пошел убирать снаряжение на стойку.

И снова тишина. За поединком наблюдали двадцать аколитов и три полноправных шамана, но никто не заговорил. Гонда был монастырским мастером меча, вероятным претендентом на то, чтобы однажды взять в руки Клинок Чести.

За все пять сегодняшних схваток он не нанес Сзету ни единого удара.

Сзет медленно снял маску, подставив потное лицо прохладному воздуху. Гонда, похоже, не злился на него: здесь, в монастыре, люди действительно были другой породы, чем мелочные солдаты в покинутом Сзетом лагере. Меньше явных обид. Меньше жестокости. Но больше странной закулисной политики.

Меч упал со стойки, куда Гонда его положил. Гонда не стал поднимать клинок и покинул тренировочный зал. Его шаги гулко звучали в тишине. Как капли дождя по крыше.

Сзет аккуратно развесил свое снаряжение, чувствуя на себе взгляды других аколитов. Два года, проведенные здесь, пошли ему на пользу: в лагере редко выпадал трудный бой. Когда он прибыл сюда, ему потребовалось несколько недель, чтобы нанести хотя бы один удар кому-то из товарищей.

В сильном течении крепнет рыба. Сзет тихо стянул поддоспешник и передал аколиту постарше, отвечавшему сегодня за чистку снаряжения. В монастыре Позена ты исполнял тем больше обязанностей, чем больше ударов пропустил во время тренировки. Сзету не поручали подобных заданий уже больше года. Еще дольше он не плакал по ночам в подушку, тоскуя по матери.

Все снова шло правильно. Здесь не требовалось думать, можно было просто тренироваться. Сзету нравилось, насколько простой стала наконец его жизнь. Даже закулисная политика не имела значения, пока ты умело обращался с оружием.

А он только что доказал, что владеет мечом очень хорошо.

От одной из колонн выступил сам Позен. Как и все в помещении, Сзет поклонился. Он не знал, что носитель Чести наблюдал за поединком.

– Итак, звание мастера меча ныне удостоен ты, – проговорил пожилой шаман.

Сзет промолчал. Это было правдой.

– Меня впечатляет в тебе все, – сказал Позен, – за исключением провала по инозванию. Этот недостаток, Сзет, меня беспокоит.

Тоже правда. Он тренировался с Клинком: на их народ была возложена подготовка к вероятному возвращению Приносящих пустоту – и для защиты Правды в каждом монастыре требовалось несколько обученных связывателей потоков, на случай если носитель Чести падет в бою.

– Я подготовил для тебя задание на поиск, – произнес Позен. – Первую подсказку найдешь на вершине, шпиль седьмой. Иди.

Сзет опасался, что после завоевания звания ему придется вернуться в свои комнаты. Это означало бы размышления о собственных достижениях. Так быстро выданное новое поручение принесло облегчение.

Он приступил к нему тотчас.

«Шпиль седьмой» являлся загадкой. К счастью, Сзет знал таверну за пределами монастыря, в Мокдауне – небольшом городке на острове между реками. Таверна называлась «Шпиль первый». Он предположил, что седьмым будет седьмое здание на той же улице.

К сожалению, в том здании ничего не нашлось. Сзет стоял на крыше, скрестив руки на груди, пока недоумевающий домовладелец придерживал внизу приставную лестницу. Он еще раз обшарил крышу в поисках чего-нибудь хрустального: Позен любил душезаклинать в хрусталь. Ничего.

В конце концов Сзет спустился по лестнице. Деревянной, разумеется, как и выложенный бревнами тротуар. Тут и там попадались глиняные кирпичи, уподобленные камню, но не священные. Жители этой области поразительным образом научились соединять деревянные детали с помощью сочленений без гвоздей. На этом фоне глинобитные или возведенные из дерна домики родных краев Сзета выглядели ужасно примитивными.

Именно поэтому еще больше изумляло то, что местные жители использовали металлические дверные петли.

Сзет поблагодарил домовладельца – тучного мужчину, говорившего с почтением. Он носил цветное пятно; здесь это делали, нашивая лоскуты на одежду. У него были красные на коленях. Как так вышло, что они не знали о правильном порядке вещей? Позен велел Сзету прекратить подобные разговоры, но, если бы сам Сзет заблуждался, он бы хотел, чтобы кто-то ему об этом сказал.

Получив дозволение идти, горожанин открыл дверь дома – со стальными петлями. Если дверь сломается, ему придется вызывать для починки аколита или отставного солдата: таких в городе было немало. В сущности, тут жили плотники, кузнецы и прочие лавочники. Многие мужчины и женщины побывали в солдатах или аколитах и вышли в отставку всего через год-другой. Как будто... как будто сами выбрали такую жизнь, только чтобы поскорее ее оставить, обретая возможность заниматься различными ремеслами.

Душезаклятый металл приберегали для инструментов, которые нужно было держать в руках. Петли изготавливали из материала, добытого в шахтах, и все их использовали. Возможно, местным жителям было все равно, что они носят цветные пятна неправильно. Сзет

провел здесь два года, а его разум все еще узлом завязывался при мыслях о таких вещах, тогда как в действительности следовало сосредоточиться на загадке.

– Хозяин, – позвал Сзет.

Мужчина выглянул из-за двери.

– О чем ты подумаешь, если я скажу «шпиль седьмой»?

– Шпиль на Седьмой? – переспросил горожанин. – Ну...

– Нет, – начал Сзет, но умолк.

Шпиль на Седьмой? Седьмой называлась одна из улиц. Мог ли он ослышаться? Такое уже случилось, поскольку Позен говорил с легким северным акцентом.

Разумеется! На Седьмой.

– Аколит? – окликнул его домовладелец.

– Не важно, – сказал Сзет, разворачиваясь на каблуках. – Благодарю за помощь.

Он двинулся прочь, ступая по прочным бревнам мостовой. Вообще говоря, древесина дерева макам удивительна. Легкая, прочная. Она придавала интересный вид городу, к которому Сзет пытался не испытывать ненависти.

Его отец многое здесь улучшил, после того как в прошлом году был избран мэром. Перед тем он занимал должность городского министра финансов, на которую его назначили. Под управлением Нетуро старые бревна мостовой заменили новыми, отремонтировали мосты. Были проведены социальные реформы, утихомирившие лесорубов. Часы работы стали меньше, смены для отдыха чаще.

Нетуро будто бы не заботила цена, которую пришлось заплатить, чтобы попасть сюда, и Сзет старался следовать его примеру. Он радовался беленым стенам домов, тому, как люди кивают в знак уважения аколиту, цветным лоскутам на их одежде. Пахло не слишком плохо. Не то что в городках в родных краях, где улицы покрывал конский навоз, а нечистоты сливали в реку.

В Мокдауне было пусть не свежо, но хотя бы терпимо. К тому же Сзет был лучшим аколитом и каждый день получал удовлетворение от тренировок. Со временем наверняка потускнеет боль, вызванная отсутствием матери и тем, что он неделями и даже месяцами не видит Элид, полюбившую путешествовать. Прежнюю жизнь ему полагалось сжечь. Угли скоро угаснут.

Самым высоким зданием на Седьмой являлась церковь Вестника Ишу. Когда-то она была посвящена Батле, но в какой-то момент это изменилось. Народ Шиновара почитал Вестников почти наравне с солнцем, лунами и горами – величайшими из спренов. Ишу занимал особое положение за то, что привел их сюда, вслушавшись в песни нового мира.

На вершине этого здания Сзет нашел хрустальную дранку. Загадка решена. Под хрусталиком лежал клочок бумаги со следующей подсказкой. «Восточный ветер».

Сзет спустился по стене церкви.

– Простите, – сказал он шаманке камней, выглянувшей из окна рядом со статуей, которую он использовал в качестве опоры.

– Все в порядке, аколит, – ответила шаманка. – Очень бы хотелось, чтобы он предупредил нас, когда отправляет людей на эти поиски. Мы проводили службу...

Сзет поклонился ей и зашагал по улице.

– Аколит! – окликнула его шаманка.

Когда он оглянулся, она кивком указала на фасад здания. Посмотрев в сторону, Сзет увидел, что кто-то привалился спиной к стене. Высокая женщина в цветных шаманских одеяниях, лет на десять старше Сзета, с короткой стрижкой, которую он находил чудовищной. Сиви посещала город так часто, что ее легко было по ошибке принять за местного носителя Чести. Неужели волеформаторские аколиты настолько дисциплинированны, что можно не обращать внимания на отлучки их главы? Сзет слышал другое. Говорили, что волеформаторские аколиты

пьют, разъезжают верхом и толком не тренируются. На примере Сиви Сзет находил подобную степень легкомыслия недостоверной. В конце концов, она ему нравилась.

– Носительница Чести, – поклонился он, когда Сиви подошла к нему. – Прошу извинить, не могу остановиться для долгой беседы. Мне дали срочное задание...

Она протянула ему горсть бумажек – точно таких же, как найденный им клочок:

– Позен всегда использует одни и те же места. Клянусь, моя предшественница упоминала хрустальную дранку во времена, когда была аколитом.

Сзет уставился на предложенный ворох подсказок.

– Я... я не могу это принять. Мне нужно найти собственный путь к...

– Полагаю, тебе велели вернуться с бумажками, – перебила его Сиви. – Не было запрета получать их от кого-то.

Это было правдой, и потому Сзет взял бумажки.

– Пойдем поговорим, – позвала его Сиви, направляясь к таверне по соседству. – Хочу послушать, как продвигается твоё обучение.

Он вздохнул, но нельзя было отказать носительнице Чести. Кроме того, Сиви в самом деле нередко имела... особый взгляд на все. Сзет старался не считать себя причиной ее частых визитов, но и не мог выбросить из головы подслушанный однажды разговор. О планах Позена на его счет.

Они устроились за уединенным столиком: было всего три часа пополудни. Ему принесли чай, а Сиви потягивала что-то, что Сзет решил считать ячменным отваром. Оба напитка подали бесплатно, поскольку это был город при монастыре.

– Слышала, ты сегодня получил звание мастера меча, – сказала она.

– Эта новость уже разлетелась? – усмехнулся Сзет, выжидая из уважения, пока она допьёт первой, прежде чем приняться за чай.

– Гонда хорош, – заметила Сиви. – Никто не ожидал, что появится кто-то лучше.

Она внимательно посмотрела на него. Сзет опустил взгляд в кружку.

– Так ты знаешь? – спросила она.

– Я... подслушал то, чего не следовало.

– Позен особо не скрывает свои надежды на тебя, Сзет. Он годами взращивал тебя для этой роли, начав еще до того, как ты стал аколитом.

– Я осознаю необходимость, по которой держать клинки Чести должны лучшие солдаты, – выдавил он. – Этого требует Правда. Для подготовки к приходу врага.

– Тогда почему у тебя пристыженный вид?

Он опустил взгляд и не ответил.

Сиви, вздохнув, постучала пальцем по столу:

– Сзет! Знаешь, зачем Позен посылает тебя на эти глупые поиски?

– Я не спрашиваю, а он не дает объяснений.

– Это потому, что он проверяет, насколько ты послушен. Позен хочет, чтобы аколиты быстро подчинялись и медленно доходили до вопросов.

– Звучит как достойное восхищения качество в религиозном аколите.

– А в соратнике?

Вот оно. Она сказала об этом открыто.

– Ты так торопишься делать то, что тебе говорят, – произнесла Сиви. – Почему?

– Дело не в том, о чем ты думаешь, – ответил Сзет, краснея.

– А о чем я думаю?

– Что я глуп. Но я подчиняюсь по противоположной причине. Если не приступить быстро... я начинаю задаваться вопросами. Начинаю спрашивать. У меня... непокорный ум, честь-ними.

– Выскажи мне вопросы, которыми ты задаешься, – велела она, подавшись вперед.

Посмеет ли он их озвучить? Это проверка, подчинится он ей или поведет себя противоречиво? Тут ведется столько игр! Возможно, именно поэтому он втайне ненавидел этот город: здесь он узнал, что даже носители Чести видят вещи по-разному.

– Позен не лучший мечник, – заметил Сзет, наблюдая, как в кружке темные цветки выплывают из мешочка. – Уже нет: ему почти шестьдесят. Тем не менее никто не бросает ему вызов.

– Он мудр, – ответила Сиви. – Лучший солдат не всегда значит самый проворный с оружием. Ценность имеет опыт, даже когда тело сдает.

– Он мог бы по-прежнему делиться своей мудростью, если бы клинок носил кто-то другой.

– Если бы возникла реальная угроза, он бы позволил одному из аколитов нести Честь во время боя. Зачем, по-твоему, мы так хорошо тренируем всех вас в обращении с оружием?

– Это разумно, – сказал Сзет. – Но если пожилой носитель Чести не представляет серьезной проблемы, почему всем, включая вас с Позеном, не терпится, чтобы я начал паломничество?

Она улыбнулась и, запрокинув голову, сделала несколько глотков. Поставив кружку на стол, посмотрела Сзету в глаза:

– Ветробегун представляет проблему.

– Носитель Чести... – Сзет порылся в памяти в поисках имени. – Туко-сын-Туко?

– Верно. Ты внимательно слушал уроки.

– Разумеется. Зачем нужны уроки, если не слушать внимательно?

– Ох, Сзет...

Он приступил к своему напитку, перекатывая на языке горечь.

– ...Ты не собираешься спрашивать, что за проблема с Туко?

– Уместно ли мне спрашивать? – нахмурился он.

– Ну, я же открыла эту дверь нараспашку...

– Создает ли он проблему для Правды? И для защиты наших земель?

– Да.

– Тогда этого достаточно. – Сзет посмотрел ей в глаза. – Я уже некоторое время не слышал Голос.

– Он был занят.

– А если я стану носителем Чести, смогу ли узнать, что он такое? Что происходит на самом деле?

– Если захочешь узнать.

Хочет ли он? Сзет откинулся на спинку жесткой скамьи, глядя в окно на прохожих. Позен говорил, что Мокдаун невелик по общим меркам. Сзет с трудом представлял, как по городу может передвигаться больше народу, чтобы при этом фургоны и повозки не сбивали людей и не создавали неразберихи.

Никто на улице не знал о Голосе. Никого там не волновало, что они о нем не знают. Можно жить, как они.

Но...

– После того как я уничтожил налетчиков, Позен был готов полностью от меня отказаться, да и все вы тоже, – напомнил Сзет. – Потом, едва узнав, что я слышал Голос, вы радушно меня приняли.

– Ситуация изменилась, – пояснила Сиви. – В одно мгновение ты был своевольным агентом, действовавшим вопреки интересам своего Земледельца. В следующее – оказался слугой силы более высокого порядка.

– Действия должны быть или правильными, или неправильными. Так меня учили.

– В детстве тебя учили тому, что в состоянии понять ребенок. Сзет, почему нюансы приводят тебя в ужас?

– Потому что я не могу их предсказать, – прошептал он.

– Но минуло десять лет, с тех пор как мальчик нашел в земле камень и не мог понять, почему кто-то видит ситуацию иначе, чем он. Не думаешь, что тебе следовало бы немного повзрослеть с того времени?..

Услышав это, он поднял взгляд от кружки с чаем. Минутку. Она...

– Мы беседуем с твоим отцом, – пояснила Сиви.

При этих словах она приобрела мечтательное выражение, на губах появился намек на улыбку.

В кои-то веки Сзет уловил нюанс.

– Ты наведываешься в город не из-за меня, – произнес он с ужасом. – Не только из-за меня...

Сиви пожала плечами.

– ...Мой отец – еретик! А ты святая!

Она фыркнула от смеха, едва не выплюнув пиво.

– Вряд ли он еретик, Сзет, а я всего лишь на полпути к святости. Твой отец – человек сильной веры, просто не в тех вещах, которые неважны. Тебе стоило бы как-нибудь его расспросить.

Подобные разговоры всегда шли не так, как хотелось Сзету.

– Ты это сделаешь? – спросила Сиви. – Отправишься в паломничество, готовясь бросить вызов ветробегуну, чтобы получить его Клинок?

Паломничество. От него потребуется посетить каждый монастырь и обучиться владению всеми потоками. Затем победить ветробегуна в поединке без применения способностей. Необязательно доводить до смерти: зависит от того, пожелает ли Туко добровольно отдать клинок или нет. Но... судя по тому, что Сзет слышал, ветробегун не тот человек, кто просто отдаст клинок. Он молод для носителя Чести и, по слухам, искусен в своем деле.

Если Сзет преуспеет и завоюет клинок, ему придется вновь отправиться по монастырям и представиться носителям Чести, доказав, что он достоин быть одним из них. Иначе они совместно отвергнут его и содеянное им и вернут клинок прежнему носителю Чести, если тот выживет, или найдут замену, если он погибнет.

Это может занять годы. Десятилетие. Больше.

– Сзет? – окликнула его Сиви. – Ты сделаешь то, о чем мы просим?

– Как мне верить в то, что слушать тебя правильно?! – всплеснул он руками. – Если нюансы, что правильно, а что нет, меняются для вас ни с того ни с сего!

Он откинулся на спинку, тяжело дыша, и тихо простонал:

– Тоже прозвучало по-детски?

Когда он это произнес, Сиви заметно расслабилась и сделала большой глоток.

– Тебе приносит удовлетворение видеть мою досаду? – спросил Сзет.

Она подняла палец, продолжая пить, и осушила кружку до дна. Шквал побери!

– Мне приносит удовлетворение, – сказала Сиви, вытирая губы, – понимать, что я была права: ты склонен к самоанализу. Почему тебе это кажется таким трудным?

– Я всего лишь хочу, чтобы все было просто. Как в детстве.

– Это лень, – указала она на него пальцем, наклонившись над столом.

Она часто так делала. Столько увлеченности! Чувствовал ли он себя когда-нибудь таким увлеченным чем-либо?

«Да, – подумал он. – Поиском ответов».

– Послушай, Сзет, – сказала Сиви, – когда ты был маленьким, жизнь не была простой. Тебе всего лишь позволяли думать, что она проста. Всегда находились другие люди, принимавшие решения в трудных ситуациях.

– Но...

– Мир не стал волшебным образом менее сложным только потому, что жизнь одарила тебя роскошью простоты. Скажи, разве ты не рад, что сумел вырваться из детских представлений и увидеть мир таким, каков он есть на самом деле?

– Я...

«Рад? Всему этому?»

Это было... пугающе близко к его недавним размышлениям: что он бы хотел, чтобы ему сообщили, если бы он носил цветные пятна неправильно. Хм... Он обдумал это, пока Сиви заказывала себе новый напиток у разносчицы, нарочно державшейся неподалеку – до того близко, что это граничило с нескромностью.

Если он заблуждается в вопросах религии, разве не хотел бы он об этом узнать? Да. Да, хотел бы. И разве бы он не обрадовался, если бы его исправили? В минуту глубокого самоанализа Сзет осознал собственные ошибки. Не окружающие виноваты в том, что используют нюансы. Это он виноват в том, что не желает их видеть.

– Я это сделаю, Сиви. Отправлюсь в паломничество. Если бы ты первой приняла меня на обучение, я был бы рад. Позволь мне исполнить здесь заключительные требования как аколиту, чтобы меня могли повысить до воинской элиты.

Разумеется, он избрал бы этот путь, а не другой вариант для аколита – стать проводящим службы шаманом.

– Замечательно, – сказала она.

– Что бы ты сделала, если бы я не пожелал принять твой совет? – спросил Сзет.

– Это был бы не первый раз, – вздохнув, произнесла Сиви и продолжила в ответ на его изумленный взгляд: – Еще трое из нынешних носителей Чести обучались у Позена: у него шестое чувство на поиск талантливых воинов. Но он также показал немалое умение подбирать людей, которые будут прыгать по его команде. Это почти наводит на мысль, что он больше хочет слуг, чем соратников.

Она кивнула Сзету, вставая и забирая с подноса принесенное пиво:

– Мне нужно навестить еще кое-кого. Увидимся через пару месяцев в моем монастыре.

Сзет постарался не думать о том, к кому она собралась.

Однако прежде чем уйти, Сиви отступила на шаг и наклонилась к нему:

– Позен тебя использует. Помни об этом.

– А ты? – спросил Сзет. – Ты меня не используешь?

Она молча подмигнула.

– Я согласился не потому, что ты от меня этого хочешь, или потому, что хочет он, – сказал Сзет. – Я это делаю ради ответов. Я выясню, что такое Голос.

– Мы все на это рассчитываем, – кивнула Сиви и ушла, прихватив с собой кружку.

Сзет, уходя, озабочился тем, чтобы заплатить за нее. Бесплатные напитки – это одно, но не следует злоупотреблять положением, унося из таверны посуду.

74. Что он из нас сделал

Ясна говорит, что существование все сильного и все любящего Бога следует ставить под сомнение на основании простых фактов несправедливости жизни по отношению к невинным, таких как смерть ребенка от болезни.

Из эпилога «Давшего клятву» Далинара Холина

Посреди поля боя Сигзил схватил своего оруженосца Дэти и закричал. Воззвал о помощи, о буресвете, о целителе. Слова потонули в хаосе красных молний и выкриках солдат: враг хлынул в проделанную мертвым громоломом брешь, вновь прорвав оборону. На земле вокруг полыхнули молнии, отражая небесные: выпустили свою силу буревые формы.

У Дэти выступила кровь на губах, и он дрожал в окружении спренов боли – маленьких ладошек без тела, царапавших землю. Он тяжело дышал без буресвета, вытянутого в ходе стычки с Небесными.

– Возьми у меня! – крикнул Сигзил. – Дэти, возьми свет у меня!

Однако его самосветы оказались пусты.

Дэти, ахнув, прижал руку к лицу. Струйки крови мешались с дождем.

– Она наступает! – возопил он. – Ночь скорбей! Я стою на краю рассвета и вижу, как она надвигается, поглощая весь свет, всю жизнь, всю надежду! Она наступает!

Свет Дэти померк. Сигзил снова закричал и схватил пику валявшейся поблизости мертвой Небесной, рухнувшей там, где он ее сбил. Вскинул оружие, высосавшее буресвет Дэти, и заорал во тьму, ища врагов для убийства.

Их нашлось предостаточно.

– Сигзил, – прошептала Вьента, – ты командующий. Ты не можешь позволить себе ярость. Ты должен отступить и найти буресвет.

Он рванул к группе солдат, окруженных Царственными в свирепой форме, с громоздким, покрытым шипами панцирем и светящимися красными глазами. Сигзил ворвался в их ряды, убивая оружием, способным высасывать из врагов пустосвет, развеивая его в ночи, поскольку механизм с самосветом в наверху пики треснул от удара о землю. Во второй руке он держал Вьенту в виде короткого кинжала.

Прорвавшись, он обнаружил среди солдат двоих гранетанцоров. В считанных футах от умирающего, которого они могли бы спасти, если бы знали. От понимания этого под ногами ветробегуна вскипело еще больше спренов гнева.

«Сигзил, тебе нужно перегруппировать наши силы, – сказала Вьента. – Ты не сможешь вернуть Дэти. Пора отступить».

Но он продолжал убивать. Враги вечно его недооценивали, потому что он был ниже многих алетей вокруг. И шквал побери, его логическая сторона никак не желала заткнуться. Она

соглашалась с Вьентой. Расчистив дорогу тем солдатам, он повел их и гранетанцоров в отступление к задней части Нарак-четыре, где выстраивалась линия их обороны. Он отпустил клинок и бросил трофейную пику оружейнику, затем взял самосветы у мальчика-посыльного, чьей задачей было доставлять их Сияющим в поле.

Камней была всего горсть, приходилось экономить. Когда уже вернутся шквальные узокватели? Сигзил окинул взглядом темное плато, кишашее красноглазыми фигурами, и понял, что день проигран. К нему присоединился Уинн, генерал с совершенно седой головой.

– Какие будут указания, сэр? – прокричал старик-военачальник, перекрывая раскаты грома.

– Пора отступать, – ответил Сигзил, глубоко дыша. – Дайте команду.

По его лицу стекали струи дождя. Это был его план, но, буря свидетельница, он надеялся продержаться еще день.

Уинн пошел исполнять, а Сигзил отправил Вьенту предупредить о сложившейся ситуации его оруженосцев, летавших парами наверху. Он бросил взгляд через плато, на лежавшего на камнях мертвого Дэти, и ощутил предательское бессилие.

«Шквал! – подумал он. – Вот что чувствовал Кэл? Это его в конце концов и сломало?»

Он мог кое-чему научиться на том опыте, который пережил его капитан. Гибель оруженосца была не виной Сигзила, но виной врагов. Он изо всех сил подавлял мысли о том, что бы мог сделать иначе – в ходе тренировок и в сегодняшнем бою, – чтобы лучше защитить Дэти. Вместо этого он сосредоточился на помощи живым.

Когда вернулась его спрен, он потратил часть драгоценного буресвета на то, чтобы подняться в воздух и защитить задние ряды солдат. Сигзил видел, что их воодушевляет зрелище парящего в небе командира с серебристым копьём в руке. Они держались крепче, по мере того как к этому защитному бастionу подтягивались группы потрепанных людей. Через плато заскользило больше гранетанцоров, возвращаясь с позиций на флангах противника. Они подбирали павших, исцеляли и относили в безопасное место. Сигзил скомандовал окончательное отступление, пока Буревая Стена с носителями осколков удерживал мост.

В ходе отступления они пересекли весь Нарак-два, плато Клятвенных врат, соединенное с тремя боковыми. Нарак-один находился к востоку, а Нарак-три – к юго-западу. Людские войска сумели убраться с разбитого плато, и камнестражи обрушили мост.

– Враг, похоже, празднует, – шепнула Вьента Сигзилу на ухо. – Я не вижу никаких признаков того, что они продолжают наступление сегодня. Молодец.

Сигзил кивнул, не чувствуя себя молодцом. Да, до сих пор его план работал, но если им придется и дальше экономить буресвет...

Рядом приземлились Скар и Лейтен и обменялись сведениями. Сигзил тихо рассказал им о Дэти. Скар уже знал: его команда совершила несколько пролетов над павшим плато в поисках скоплений выживших. Они видели тело. Рядом военачальники начали обсуждать, как привлечь внимание врага к Нараку-три – еще одному плато, сдачу которого они могли себе позволить. Задача предстояла непростая, но Сигзил уже продумал кое-какие планы.

Прямо сейчас его беспокоило другое.

– Лейтен, Скар, – сказал он, – Дэти, умирая, произнес предсмертный бред. Здесь Моэлах.

– Я потыкаюсь вокруг, – ответил Лейтен, крикнув, – посмотрю, не слышал ли сегодня кто-то еще что-нибудь от умирающих. Впрочем, я не слишком волнуюсь. Моэлах никогда не принимает участия в бою.

– Тут могут оказаться и другие Претворенные, – предупредил Сигзил. – Распространите информацию, оба.

– Сделаем, – отозвался Скар. – Надеюсь, ты не винишь себя?

– Стараюсь изо всех сил, но вы же знаете, каково это.

– Хотел бы не знать, но знаю, – кивнул Лейтен.

– Я сосредоточусь на проработке следующей фазы стратегии и отвлекусь на научные рассуждения. Прямо сейчас не могу себе позволить расклеиться: военачальникам и войскам нужно знать, что я горжусь тем, как они дрались и как воплотили мой план.

– Шквал! – воскликнул Лейтен. – Сиг, ты в самом деле говоришь как лидер.

Правда? А ведь... правда.

– Во всем виноват Каладин, – сказал Сигзил и даже выдавил бледную улыбку, несмотря на гнетущую атмосферу этого дня. – И то, что он из нас всех сделал.

– Во всем виноват Каладин, – согласился Скар. – Шквал бы его побрал вместе с его вдохновляющим подходом!

– Кто-то из вас видел во время боя Моаша?

– Нет, – ответил Лейтен. – Но мы продолжаем наблюдение. Как только он появится, мы позаботимся, чтобы ты узнал. И тогда наступит час расплаты.

* * *

Хаос вокруг Шаллан отступил, но она не появилась в видении – во всяком случае, не вполне. Вместо этого сложные потоки Духовной реальности образовали перед ней подобие стены. Мутное стекло разрасталось с той же леденящей неопределенностью, что и морозные узоры на окне, образуя широкий, условно круглый столб.

Следом вокруг стеклянного столба возникло несколько ярусов деревянных досок, и Шаллан смогла взобраться по ним, будто стоя на странных лесах за пределами реальности. Рядом с Шаллан проявились Узор и Кредо, затем выше по состоящим из не связанных между собой уровней лесам возникли Ренарин, Рлайн и их спрены.

После трех попыток Шаллан понемногу привыкла к этому процессу. Всю конструкцию создавали Ренарин с Глисом, основываясь на представлениях Ренарина о том, как она должна выглядеть. Он воссоздавал леса, которые в юности видел возле одной обители.

Шаллан покружила вокруг столба в поисках удобной позиции для наблюдения. Ренарин полагал, что мутное стекло выступает визуальным проявлением неопределенности этого места, однако отдельные участки были более прозрачными. Шаллан нашла такой и опустилась на колени на доски, глядя на кипевшую по ту сторону битву. Далинар с Навани уже некоторое время перемещались между Опустошениями, и с помощью этого столба Глис и Туми позволяли команде Шаллан наблюдать за ними.

Они просматривали Опустошение за Опустошением, подчас разделенные сотнями лет, по мере того как узокователи двигались из темных дней в будущее. В последнем Шаллан видела людей со спренами и способностями – первых Сияющих, с полным комплектом осколочных доспехов с выгравированными глифами. Далинар четко перепрыгнул времена Нойадона и основания Сияющих.

До сих пор Шаллан не заметила никаких признаков Мрейза или Иятиль – ни внутри видений, ни вне их. Но они наверняка там, следуют за Далинаром, потому что верят, что его поиски Чести также приведут их к Мишрам. Сегодняшнее поле боя находилось в Шиноваре. Эта местность изменилась за тысячелетия, минувшие с первого видения. Там, где некогда была лишь мокрая грязь, теперь раскинулся ярко-зеленый ковер травы. Пейзаж усеивали маленькие группки деревьев, будто занятых беседой на званом обеде. Удивительно, насколько часто бои в видениях происходили в Шиноваре: в те времена, судя по всему, это закрытое королевство было не таким труднодоступным.

Шаллан всмотрелась сквозь прозрачный участок стекла. Вон там. Те светящиеся фигурки, что носятся по небу... это ветробегуны. Далинар с Навани шагали напрямик к Отступничеству: к дню, когда были нарушены клятвы, к источнику тайн, за которыми все охотились.

– Видела тех ветробегунов? – спросил Ренарин, подходя по скрипучим доскам. – И у солдат на этот раз качественное бронзовое оружие. Кажется, у них наконец технологический прогресс, а не только деградация с каждым Опустошением.

– Мы слишком далеко от места действия, – шурясь, отозвалась Шаллан. – Можешь подвинуть нас поближе?

– Я поговорю с Глисом.

Внезапно их окно очутилось прямо посреди боя с певцами – хаотичного месива. Да, тут были Сияющие, но не в характерных мундирах, к которым привыкла Шаллан. Тем не менее бойцы-люди в кои-то веки держали строй. Гигантская стена щитов с копьями.

– Выглядит почти по-современному, – заметил Рлайн где-то рядом. – Здесь ваш народ использует ту же тактику, что и против моего на Расколотых равнинах.

– Не совсем, – возразил Ренарин. – Да, это стена щитов, но не современное маневренное построение. Ни пикинеров, ни кавалерии, ни тяжелой пехоты, только хорошо вымуштрованная легкая. Это все еще происходит тысячи лет назад, но что-то значительно изменилось.

– Обработка металла, – сказал Рлайн.

– В большей мере то, что они смогли сохранить связь времен, – пояснила Шаллан. – Теперь наконец стал возможен прогресс, когда общество не откатывается к самым основам после каждого возвращения Сплавленных.

– Именно, – поддержал ее Ренарин. – Хотя даже Отступничество относится к темным дням, мы многое узнали из прежних отцовских видений и располагаем кое-какими обрывочными текстами с прежних времен. В этот период Сияющие стали стабильной силой, обеспечивающей связь поколений между Возвращениями, группой воинов, которые тренировались в десятилетия мира, чтобы быть готовыми к неизбежной битве.

– Стражи на границе, – прошептала Шаллан.

– Против моего народа, – произнес Рлайн.

– Против худших инстинктов во всех, – сказала Шаллан, отстраняясь от окна. – Рлайн, ты сам мне объяснял, как слушатели отказались продолжать бой – и ушли. Сплавленные угнетали не только нас. Твой народ они тоже угнетали.

Рлайн помотал головой:

– Слишком простое объяснение. Одна сторона усиливается, значит другая должна сравняться – или пойти дальше. Сплавленных бы не существовало, если бы сначала людям не стало тесно на отданных им землях. Вестников бы не существовало, если бы не создали Сплавленных для борьбы с этим вторжением. В свою очередь Сплавленные ожесточились, становясь все целеустремленнее с каждым своим возвращением, обучаясь сражаться и побеждать Вестников. Человечество оказывалось всякий раз разорено, что привело к образованию Сияющих. Война просто все набирала и набирала обороты. Я могу осуждать кровопролитие, но не виню певцов тех древних дней. Это люди нарушили свои обещания и вторглись в их земли. Что тут еще сделаешь, кроме как пойдешь в бой?

Шаллан снова глянула в окно и увидела, как группа из пяти Сплавленных – Грандиозных – врзается в человеческую фалангу, швыряя людей в воздух. Пошли в бой камнестражи, спеша дать им отпор. Их великолепная броня на этом поле боя казалась неуместной. По сути, это были современные носители осколков среди простых солдат в нагрудниках из кованой бронзы вроде тех, какие Шаллан видела в харбрантском музее.

– Я... – произнесла она. – Рлайн, сторона певцов все же служила Вражде.

– Потому что прочие боги отказались им помогать. – Он запел в мягком ритме: – Эта древняя война завершилась массовым порабощением моих сородичей, за исключением горстки. Неужели это единственный приемлемый ответ? Или один, или другой народ должен быть покорен или даже уничтожен?

– Мой отец пытается закончить войну миром, – сказал Ренарин. – Ради этого он готов рискнуть нашей родиной. Другие ответы существуют. Должны быть.

– Если только Вражда допустит воплощение каких-то других ответов, – заметил Рлайн. – И что мир твоего отца предложит моему народу? Они брошены на произвол вражеского бога. Мне бы хотелось... хотелось, чтобы что-то можно было сделать не только для людей, но и для певцов.

Они затихли за разгулом смерти на историческом поле боя. Шаллан пыталась извлечь из этого какой-то смысл, высмотреть Далинара и Навани, но теперь была слишком близко.

– Можешь передвинуть нас на вершину того холма? – спросила она.

– Шаллан, тут не ваша с отцом карта, – ответил Ренарин. – Я не могу просто менять масштаб туда-сюда. Глис говорит, нам повезло, что мы видим хоть что-то.

– Попробуй, пожалуйста, – попросила она.

Нельзя отвлекаться на историческое значение всего, что они видят. Она здесь, чтобы остановить Мрейза с Иятиль.

Ренарин переговорил с Глисом, и их окно перепрыгнуло на вершину холма. Не того, на который просила Шаллан, но неплохо и так. Глис заверил, что окно не будет заметно находящимся в видении. Ощущение все равно было странное: солдаты могли пробежать прямо сквозь них, не зная этого.

– Вот! – воскликнула Шаллан, отыскав Далинара и Навани, наблюдавших с другого холма.

Она улыбнулась: их вид напомнил ей об Адолине, которому, хотелось верить, сейчас было проще, чем ей. Узокователи, вероятнее всего, недолго понаблюдают за видением, выяснят год, если сумеют, затем с помощью якоря прыгнут на много лет вперед, пропуская часть Опутошений.

Шаллан надеялась, что они не проскочат наиболее важные моменты и им не придется возвращаться назад. Однако у нее возникало ощущение, что сама судьба – или сила, составляющая Духовную реальность, – осознаёт, какие события имеют значение. Может быть, потому что люди и певцы считали их важными. Подобное отношение порождает отголоски, что позволяет немного предсказывать будущее. Шут, как он сам объяснял, пришел на Рошар именно потому, что сумел почувствовать приближение важных событий. Однажды он даже посетил ярмарку вблизи владений семьи Давар.

На холм неподалеку поднялись двое Вестников, и Шаллан отвела взгляд.

«Шаллан...» – шепнула внутри Вуаль.

Она заставила себя снова посмотреть. На рыжеволосую женщину, шагавшую рядом с королем Йезриеном.

«То, что это означает, пугает», – заметила Сияющая.

«Нам все равно нужно это признать», – ответила Вуаль.

Шаллан позволила себе отвернуться.

– Что это? – спросила она, указывая на тонущий во мгле участок, где на траве лежала тень, хотя никаких облаков видно не было.

– Глис говорит, там кто-то из Претворенных, – сказал Ренарин, подступая ближе. – Это... Шаллан, это Ба-Адо-Мишрам. Не настоящая, конечно, а историческая, воссозданная в видении.

Они мельком видели других Претворенных во время предыдущих битв, и Шаллан досадовала, что ей не довелось застать момент их создания. Это событие оставалось тайной даже для спренов. Чем являются Претворенные? Так или иначе, Мишрам в видениях до сих пор ни разу на глаза им не попадалась.

– Я иду внутрь, – заявила Шаллан. – Скажи Глису, чтобы отправил меня туда.

– Мы же договорились, что будем держаться снаружи, – напомнил Ренарин, спрыгивая на ее уровень лесов, отчего доски задрожали. – Посылать внутрь будем только иллюзии.

– Мы договорились, что будем посылать иллюзии, пока не увидим что-нибудь важное, – возразила Шаллан. – Я осознаю, что самое важное – остановить Мрейза с Иятиль, но, возможно, взаимодействие с Мишрам, пусть даже исторической ее версией, что-то нам подскажет.

– Ты все еще хочешь отыскать темницу? – спросил Ренарин. – Независимо от того, остановим ли мы сначала духокровников?

И... он что, загудел в каком-то ритме?

Рлайн подступил к краю лесов над ними:

– Ренарин, думаю, ей стоит пойти внутрь. План работает: мы осмотрели местность и поискали духокровников. К тому же через эту штуку мы с тобой сможем и дальше наблюдать за ней.

– Ладно, – согласился Ренарин. – Помаши рукой, если что-то пойдет не так, мы тебя вытащим.

Шаллан кивнула – и в мгновение ока оказалась внутри видения.

75. Семья

ШЕСТНАДЦАТЬ ЛЕТ НАЗАД

Утро того дня, когда ему предстояло начать паломничество, чтобы стать носителем Чести, Сзет провел в монастырском саду камней. Сегодня он отправится на обучение к Сиви, а затем ко всем носителям Чести по очереди, чтобы освоить их умения. Ну, за исключением способностей камнестража – у них не было Клинка Тальмута-сына-Бога – и узокователя. Этот Клинок хранился у гражданского вождя и передавался в соответствии с иной традицией.

Сегодня Сзет молился, склонившись перед великолепным камнем: два фута в поперечнике, с кристаллической прожилкой посередине. С одной стороны он открывался, как рот, и кристаллы образовывали зубы. Спрен этого камня несомненно отличался склонностью к вычурности.

– Спрен, – шептал Сзет, – прошу, направь меня в мудрости своей.

Все важные моменты в его жизни были связаны с камнем. Не смотрел ли этот на него в ответ? Сзет неуверенно протянул руку и положил ладонь на зернистую поверхность камня с торчащими кусочками прозрачного кристалла. Ощущение было странным, будто трогаешь кожу какого-то зверя.

На миг пробудились... воспоминания. О том, как... камень явился из других мест, и он помнил, как его несли... в группе перепуганных людей...

«Это ты? – поинтересовался Сзет. – Ты спрен, за которым я следую?»

«Ах, Сзет, – отозвался Голос, и от него ощущение было другое, воспоминания исчезли. – Не думай, что я не обращал на тебя внимания. Ты просто пребывал в хороших руках. Исполни паломничество. Тогда мы встретимся».

– Спасибо, – прошептал Сзет.

«У твоей жизни есть цель. Все, что случилось с тобой, устраивал я. Ты имеешь смысл, потому что твой смысл задуман мной».

Слова!

Именно эти слова и требовались ему: подтверждение, что его судьба не случайна.

«Предупреждаю, – произнес Голос, – предстоящий этап – самый трудный. Ты соприкоснешься в том числе с теми, кто не почитает меня так, как Позен. Не сбейся с пути».

По крайней мере, он не будет один.

«Ты же будешь со мной, правда?» – спросил Сзет у Голоса.

Нет ответа.

– Сзет, отец намерен последовать за тобой.

Он вздрогнул, выходя из медитации, и осознал, что рядом тихо журчит ручеек, через решетчатое окно льется солнечный свет, а широкие резные листья накрывают камни. Никто бы не посмел прервать его заключительную медитацию... кроме Элид.

У входа в сад стояла подтянутая женщина, обладавшая, как и Сзет, жилистой силой их матери. Иногда он видел по утрам, как Элид упражнялась с мечом на берегу реки. В этом городе всякому, кто касался камня, дозволялось по желанию обучаться у шаманов владению оружием. Сзет находил странным, а может, удивительно вдохновляющим тот факт, что здесь таких людей не именовали пренебрежительно «отнимающими», а называли просто «теми, кто дотронулся до камня». Такой подход был неправильным, но иногда неправильный подход может... лучше звучать.

Элид даже носила короткий меч – символ ее приверженности Правде.

– Тебе запрещено ходить по монастырю, – сказал Сзет, возвращаясь к созерцанию камня.

– Я подумываю в него вступить, – ответила сестра. – Побеседовала кое с кем из шаманов.

Они считают, мне следует осмотреться.

– Твои попытки хитростью обойти правила приличия, как всегда, неуклюжи, – заметил Сзет. – Делать вид, что хочешь вступить в монастырь, просто чтобы побеспокоить меня, неподобающе.

– Сработало же.

– Мне полагается быть одному во время этой медитации.

– И это значит, что мы можем поговорить с глазу на глаз, – сказала Элид.

Он вздохнул, прикидывая, не позвать ли шамана, чтобы ее вышвырнули отсюда.

– Ты меня вообще услышал? – спросила она. – Отец намерен идти с тобой. Опять. Когда ты отправишься в паломничество.

Сзет испытал внезапное глубочайшее облегчение. Он не думал... Но разумеется, Нетуро поступит так же, как и всегда. Некоторые молодые люди изображали бы неловкость при мысли, что с ними путешествует отец, но Сзет не прибегал к подобной лжи.

– Я не думал о том, что он пойдет, но я не удивлен. Он поступал так в прошлом.

– Скажи ему, чтобы остался, – заявила Элид.

– Почему?

Она шагнула глубже в сад, даже не задержавшись, чтобы вознести молитву камням, мимо которых проходила.

– Сзет! Он создал здесь нечто! Он мэр!

– Странная должность. Зачем доверять выбор главы людям, а не спренам? Дома мы ничего такого не делали.

– Потому что были захолустными пастухами!

На мгновение Сзет подумал, что Элид остановилась, чтобы воздать поклонение камню, но нет, не может быть... Она перепрыгнула с одной садовой дорожки на другую и встала рядом. Ох уж эта сестрица!

– Ты не можешь позволить ему пойти с тобой, – заявила она, нависая над ним, а он по-прежнему стоял коленями на мягкой мшистой земле, положив ладонь поверх камня. – Поступи правильно: дай ему остаться.

– Элид, я ему ничего не позволяю и ничего не заставляю делать.

– Ты ничего не говоришь, но массу всего подразумеваешь.

– А ты вечно делаешь множество предположений.

Вознеся беззвучную молитву, Сзет убрал руку с камня и встал, пытаясь уберечь его от истерики сестры.

– Может, отец хочет отправиться в паломничество. Может, хочет переселиться к волеформаторскому монастырю. Может, у него на то есть... причины.

Элид вытаращилась на него:

– Так ты знаешь?

– Об отце с Сиви? Да. Я это вычислил.

Она уставилась на него, широко распахнув глаза и разинув рот.

– Что? – требовательно спросил он.

– Я просто думала, что, если бы ты знал, Сзет, ты бы каждый день читал ему проповеди о греховности его положения. Ты наставляешь его за обедом, когда меня нет рядом?

Он покраснел и направился к выходу из сада камней. Можно вести этот разговор хотя бы в менее священном месте?

– Тебе честно нет дела? – спросила Элид, торопясь вслед за ним. – Не считаешь, что они поступают неправильно?

– Мать ушла от отца, – ответил Сзет.

– Она может вернуться!

Сзет замер как вкопанный, вынудив Элид с разгона остановиться. Он встретил ее взгляд, глаза в глаза, поскольку они были почти одного роста.

– Тебе, – сказала сестра, ткнув пальцем ему в грудь, – потребуется проводить по несколько месяцев в каждом монастыре. Если отец пойдет с тобой, это будет означать скорый конец для них с Сиви.

– Так ты одобряешь их отношения?

– Я одобряю что угодно, что позволит не разрывать нашу семью на части и дальше.

– Ты могла вернуться, – сказал он, глядя ей в глаза. – Могла остаться с ней.

– И бросить отца? – спросила Элид, обхватив себя руками, и ее уверенность вмиг испарилась. – Я скучаю по ней. А ты?

– Тоже.

– Было время, я тебя жалела. Хотела защищать, как отец. Но... потом она от нас ушла... – Элид покачала головой. – Это сломало отца. Знаешь, сколько ночей я провела, держа его за руку, пока он плакал? Тебя не было рядом, Сзет. А я была.

– Знаю.

Но у него была на то причина. Голос. Сзет шел по пути целенаправленно. Он должен в это верить.

– Я на сей раз идти с тобой не собираюсь, – заявила Элид. – Я не собираюсь всю оставшуюся жизнь делать вид, будто ты потерянный ребенок. Если у тебя есть хоть капля достоинства, ты скажешь отцу остаться, чтобы не рушить дальше и его жизнь.

Обуреваемый эмоциями, Сзет обошел ее, быстро склоняя голову перед каждым камнем на пути.

– Знаешь почему? – крикнула Элид ему вслед. – Почему он всегда готов идти за тобой? Почему я значу для него меньше, чем ты? Почему ты его любимчик?

Сзет снова склонил голову, на этот раз не из почтительности. Подошел к двери.

– Я тебя ненавижу, – бросила Элид ему в спину. – Ненавижу тебя, Сзет!

– Прости, – прошептал он, – за то, что не знаю лучшего пути.

И он оставил сестру позади. Покидая монастырь, взял с собой лишь смену одежды и меч.

К тому времени, как Сзет добрался до моста, начался дождь. Сзет шел один – по традиции... но не по закону. Строго говоря, Нетуро не нарушил никаких правил, встретив его там. За плечами у него висел вещевой мешок. В бороде теперь проглядывала седина. Коренастый, без цветового пятна, но с улыбкой. Как он мог улыбаться? Сзету казалось, что он утратил эту способность много лет назад.

– Думал, сумеешь улизнуть без меня? – спросил Нетуро.

Сзет глубоко вдохнул и произнес слова, которые сотню раз прокрутил в голове по дороге:

– Отец, пожалуйста, останься здесь.

Нетуро застыл. С его зонта стекала вода. Сзет зонта не взял. Дождь шел несильный. Просто надо будет почистить меч, обустроившись на ночлег.

– Это то, чего ты хочешь? – спросил отец. – Или то, чего, как ты считаешь, тебе следует хотеть?

– У тебя здесь жизнь.

– У меня жизнь где угодно, где моя семья.

– Здесь у тебя тоже семья! – ответил Сзет. – С Элид. Или дома, с матерью. Которая ушла из-за меня...

Отец бросил зонт и сжал сына в объятиях. Сзет сдержал слезы, хотя под дождем они были бы незаметны. Не хотел оскорблять спренгов, ведя себя так, будто паломничество – печальное событие.

– Сзет, – прошептал отец под шелест дождя, – в том, что случилось между нами с мамой, нет твоей вины. У нас начались трудности задолго до того, как ты нашел тот камень.

– Правда?

– Правда.

– Впрочем, в этом тоже могла быть моя вина. Сложно, должно быть, жить с мальчиком, не знающим, что правильно.

Отец обнял его крепче.

– Сынок! Дело было вовсе не в тебе. Я забрал твою мать из ее семьи и убедил, что следует ставить под вопрос то, в чем другие не смеют сомневаться. Из-за этого нам пришлось поселиться на отшибе, потому что никто не хотел сдавать нам жилье. Я получаю письма от ее сестер. Она счастлива. Счастливее без меня.

Это звучало безумно, но так оно и было. У Сзета не возникало вопросов, правда ли это, если речь шла о словах отца.

– Тебе все равно следует остаться с Элид, – прошептал он.

– Сзет, Элид меня ненавидит.

– Что? Нет! Она тебя любит!

– Говорит она другое, – тихо сказал Нетуро. – Я не знаю, как с ней быть. И никогда не знал. Я пытаюсь с ней побеседовать, а она уходит. Приношу подарки, а она обвиняет меня в попытке ее подкупить. – Он вздохнул. – Думаю... расстояние пойдет нам на пользу. Я вернусь позже и посмотрю, не остынет ли она.

Он отстранился, разжав объятия, и продолжил улыбаться сквозь текущую по лицу воду.

– Я не хочу, чтобы ты думал, что должен заботиться о своем старике-отце. Но я пойду с тобой, Сзет, чтобы тебе не пришлось идти одному. Это единственный известный мне способ помочь.

– Спасибо, – прошептал Сзет. – Спасибо тебе.

76. Уступки

Пожалуй, ни один человек не привел бы более веского довода против моего учения, и потому к нему необходимо обратиться. Я не уверен, что владею философией, словами или опытом, чтобы сделать это с должным уважением.

Из эпилога «Давшего клятву» Далинара Холина

Шаллан очутилась в умирающем теле.

Она ахнула от внезапно накатившей боли, лежа на шинской траве под палящим солнцем, и, прижав руку к боку, почувствовала кровь. Шквал! Она оказалась в теле смертельно раненого певца. Это вызвало у нее панику, пока она не ощутила что-то в своем сознании.

«Мм... Шаллан?»

– Узор? Ты у меня в голове. Как когда ты меч.

«Наши узы укрепляются. Ты произнесла нужную правду. Мы подумали, может, теперь так начнет работать. У тебя испуганный вид».

– Я в теле умирающего!

«Глис извиняется, говорит, он не всегда может выбирать тела. Он хотел поместить тебя в певца, чтобы ты понимала Мишрам, но... вот...»

– Ничего страшного, – прошептала Шаллан. – Может, стоит попробовать снова? Вытащить меня отсюда? Или я просто исцелюсь...

«Мм... – протянул Узор. – Певец, использующий буресвет, точно привлечет внимание любого наблюдателя. Глис хотел бы, чтобы ты этого избегала. Он говорит, что на самом деле ты не умрешь, потому что на самом деле не ранена, но... Я скажу ему, чтобы все равно тебя вытащил».

– Спасибо, – произнесла Шаллан, жмурясь от боли и прижимая руку к ране. Разбитый панцирь под пальцами ощущался непривычно.

«Постой. Шаллан, смотри».

Нахмурившись, она приподняла голову, перед глазами все поплыло. Она лежала среди сонмища мертвецов и тяжело раненных, а битва покатилась дальше. Одни тела кровоточили красным, другие – оранжевым, а в воздухе и на земле клубилась мешанина из спренов – страха, гнева, замешательства, боли. Для ее нынешних певческих глаз они больше походили на то, как выглядели в Шейдсмаре, чем она привыкла видеть человеческим зрением. Футях в десяти в стороне плакала певица, зажимая раны в боку и прерывисто напевая. Возможно, чтобы чем-то утешиться, умирая.

Ба-Адо-Мишрам приближалась. Претворенная приняла вид густых клубов дыма, из которого вырастали конечности. Мощные, абсолютно черные, они вытягивались вперед и вцеплялись в землю, перемещая мглу.

«Оставьте меня пока здесь», – мысленно сказала Шаллан Узору, сжав зубы.

Когда Мишрам добралась до другой умирающей певицы, ее странные, слишком длинные конечности расточились дымом, но основная масса черноты осталась. Из нее, словно из тумана, соткалась фигура фемалены в развевающейся мантии и с распущенными черными волосами. Она склонилась над умирающей, и у нее выросли дополнительные руки, чтобы осторожно приподнять голову и тело певицы.

Они обменялись парой фраз – слишком тихо, чтобы Шаллан могла расслышать. Она заставила себя ждать, но не смогла сдержаться и заскулила от боли.

Мишрам обернулась к ней. Сердце Шаллан пропустило удар. Именно это лицо она видела на своих рисунках, в небе, в дыму, в наростах и зерне древесины. В отличие от Сья-анат, склонной принимать облик человека – или, быть может, некоего спрена, с гладкой кожей и слишком узкими чертами лица, – у Мишрам была безошибочно узнаваемая внешность певицы. Ее лицо образовывали линии красного дыма, создавая потусторонний панцирь и узоры.

Она сфокусировалась на Шаллан и вновь обернулась облаком дыма с длиннющими конечностями. Подтянувшись к Шаллан той же неестественной походкой, она опять превратилась в певицу.

Шквал побори!

«Нам тебя вытащить?» – спросил Узор.

Шаллан ждала, затаив дыхание, пока Мишрам нависла над ней, отрачивая по бокам руки из аморфного дыма, чтобы бережно приподнять ее. Претворенная склонилась ниже, выдохнула, и Шаллан окутала тьма. Шквал! Это же... Это же...

– Живи, – шепнула Мишрам, и в ее голосе невесть как накладывались друг на друга десяток разных ритмов. – Исцелись.

Боль в боку исчезла, а раны заросли. Поблизости другая певица нетвердо встала на ноги, напевая от удивления, вызванного восстановлением ее тела. Это были не Царственные с особыми способностями и тем более не Сплавленные. Простые бойцы.

– Почему? – спросила Шаллан, когда Мишрам осторожно опустила ее на землю.

– Он не любит нас, – ответила Мишрам и взглянула на небо как будто с беспокойством. – Значит, мы должны любить себя сами.

Она снова обратилась в дым, и длинные руки потянулись по полю боя в поисках других раненых певцов.

Шаллан с трудом поднялась на ноги.

«Мишрам лечит певцов! – подумала она Узору. – Кто-нибудь из вас ожидал подобного?»

«Я стараюсь не ожидать вещей, не имеющих математической точности, – отозвался Узор. – Люди говорят, жизнь склонна к иррациональности, но даже иррациональные числа легко вычислить. А вы все вне этих пределов».

«Шквал! Больше чем иррациональны?»

«Намного больше. Так или иначе, остальные потрясены увиденным. Рлайн сказал, что Мишрам была в числе основных богов, которых они отринули, когда ушли, поэтому он не ожидал проявлений доброты с ее стороны. Они хотят, чтобы ты посмотрела, не получится ли добыть еще какую-либо информацию».

Шаллан пробралась по полю туда, где Мишрам исцеляла очередного едва живого певца. Мален прижал руку к голове, где до того растрескался панцирь.

– Другие Претворенные плетут интриги, – сказала Шаллан. – В чем состоят твои?

– Вы заслуживаете лучшего, чем он, – ответила Мишрам со множеством ритмов. – Живите. Чувствуйте. Чувствуйте больше, чем он позволяет. Будьте.

Она отвернулась, и длинные конечности быстро потащили ее к следующему павшему телу.

Шаллан посмотрела на других двоих исцеленных. Они вместе наблюдали за Мишрам.

– Никогда не поймешь, чего от них ждать, – сказала фемалена.

– Я видел, как Йелиг-нар поглотил десяток наших соплеменников за одну битву, – прошептал мален в мрачном ритме. – В том числе моего брата. А теперь эта... нас лечит? Они спрены. Лучше не пытаться их понять.

– Однако она права, – неожиданно для себя произнесла Шаллан. – Вражде нет до нас дела.

– Ему есть дело до победы, – сказала фемалена. – Если мы хотим жить в мире, придется убить людей. Или это, или гибель.

– Мы могли бы сосуществовать, – заметила Шаллан.

Оба запели в одном и том же ритме, похоже насмешливом или скептическом. Шквал! Оказалось, в теле певца их легче различать.

– Сосуществовать, – повторил мален. – Несбыточная мечта. Кто бы этого не хотел?

– Люди перебили моих сестер, – сказала фемалена. – Такому не бывать. Я не допущу.

Шаллан пересекла поле, и те двое не стали ее останавливать или о чем-либо спрашивать. Среди певцов не поддерживалась такая дисциплина или порядки, как в людском обществе. Не то чтобы у них отсутствовали убеждения или доблесть, но не было такой же иерархии командующих и званий.

По траве, не обращавшей внимания, что на нее наступают, Шаллан приблизилась к Мишрам. Как ни странно, она поймала себя на мысли, что, если бы ей пришлось жить в одной из двух армий, она предпочла бы армию певцов. В их среде присутствовало ощущение свободы и индивидуальности в жизни, чего Шаллан никогда по-настоящему не замечала, пока не посмотрела на них вблизи в видениях.

Все это время она представляла их себе разрушителями, стремящимися поработить человечество. Но рабов сотворили люди. Из того, что она видела, у людей были более величественные города, больше разнообразия профессий и, как ни удивительно, больше художников. Почему так? Учитывая царившую среди певцов свободу, разве не должно быть больше художников среди них? Возможно, для настоящего расцвета искусства требуется определенного рода инфраструктура. Что-то в Шаллан восставало против этой идеи, как бы реалистично она ни звучала, и...

И она передала управление Сияющей. На этот раз Мишрам нашла человека, еще живого, лежавшего на земле с кровавой пеной на губах. Он дрожал, зажмурившись при виде нависшего над ним чудовища. Он что-то бормотал, но Шаллан, будучи в теле певца, его не понимала. Слова без ритмов казались омертвелыми!

– А его ты вылечишь? – спросила она.

– Я не могу, – ответила Претворенная. – И не стала бы. – Она помедлила. – И все же нам стоит спеть для него. Это облегчит его заключительный переход.

Мишрам склонилась ниже и тихо запела в ритме мира. Тревога Шаллан ослабла. Умиравший перестал дрожать, дыхание его немного выровнялось. Казалось, он даже... даже запел в том же ритме, пока не ушел навсегда.

Шаллан обнаружила, что ее глаза полны слез, и Мишрам взглянула на нее. Станным образом спрен не столько поворачивалась, сколько перетекала, пока не оказывалась лицом в другую сторону.

– Ты плачешь по ним, певец?

– Я плачу по всем нам, – прошептала Шаллан. – И по боли, которую все мы причиняем друг другу. Неужели нет способа это прекратить?

– Он никогда этого не допустит, ибо войны служат его цели, подготавливая его воинство к будущему, которого я еще не понимаю. Мы должны властвовать над людьми. Это первоочередное. Они не перестанут сражаться, пока мы не окажемся полностью под их контролем, так

что мы должны добиться господства первыми. – Мишрам помедлила. – Тогда, быть может. – Она посмотрела в небо. – Если он подобное допустит... Мне бы этого хотелось.

Шквал! Шаллан довелось в малой степени узнать Сья-анат – и ненадолго довериться ей. Но за все время взаимодействий с Претворенными она ни разу не видела, чтобы кто-то из них вел себя настолько по-человечески, как сейчас Мишрам, тихо напевавшая умирающему врагу. Шаллан напомнила себе, что в конце концов Мишрам в отсутствие Вражды выберет войну против человеческой расы. На этом поле боя они находились по разные стороны, но...

Песня Мишрам изменилась.

Шаллан потрясенно отступила на шаг – дымная фигура завибрировала, пульсируя, лицо ее исказилось.

– Я тебя вижу, – прошипела она. – Вижу тебя, светоплетельщица.

Паника охватила Шаллан. Это злое, перекошенное лицо! Это не Ба-Адо-Мишрам из воспоминания.

Это нынешняя.

– Я разорву тебя на кусочки, – сказала Мишрам, наступая. – Я повыдергиваю твои кости из суставов и буду слушать, как они хрустят. Я выломаю тебе пальцы, чтобы услышать твой крик. Я буду купаться в том, что потечет из тебя, когда я тебя вскрою: боль, крики и все, что внутри. Я...

«Мы тебя вытаскиваем», – сказал Узор.

Шаллан обрадовалась, но, когда это произошло, сообразила, что это было самое продолжительное ее взаимодействие с Мишрам до сих пор. Это прогресс, пусть и ужасающий. И потому, когда ее потянуло прочь, Шаллан попыталась сотворить светоплетение. Оно было запланировано, и, возможно...

В один миг Шаллан встряхнулась и обнаружила, что снова стоит на лесах. Она поспешила подняться, игнорируя вопросы Узора и Рлайна, и заглянуть в видение. Она сумела создать светоплетение себя как Шаллан, возникшей рядом с бойцом, в чьем теле она до того находилась. Боец побрел, направляясь к другим двоим исцеленным, чтобы действовать дальше в соответствии с историческими событиями.

Фальшивая Шаллан осталась на месте, а настоящая управляла ею извне.

– Почему? – прошептала она, заставив иллюзию произнести то же самое.

Закрыв глаза, Шаллан будто вернулась в видение. Снаружи она не могла слышать ответ Мишрам, но к ней подплыл Глис и прошептал слова Претворенной.

– Что «почему»? – отозвалась та. – Почему я тебя ненавижу?

– Нет, – ответила Шаллан. – Мы пришли в твой мир, а потом дрались за него. Мы заточили тебя на тысячи лет. Я понимаю, за что ты меня ненавидишь.

– Тогда что? – сказала Мишрам, и Глис передал ее жгучую злость.

– Почему Вражда тебя боится? – спросила Шаллан. – Ты в самом деле могла бы занять его место?

Неподвижность.

Потом Глис ахнул.

Шаллан задрожала, открыв глаза и обнаружив повсюду вокруг себя завихрения дымных красок Духовной реальности. Они менялись у нее за спиной, текли, будто тысяча слитых воедино рек. В образуемых ими водоворотах возникали лица, и все двигалось в едином ритме.

– Откуда ты знаешь? – требовательно спросила Мишрам. – Откуда ты знаешь?!

– Я была в такой ситуации, – прошептала Шаллан. – Я тоже убила тех, кто меня создал.

Сущность Мишрам потекла вперед, цветной туман обернулся тьмой, стал руками, протянутыми к Шаллан. Какой бы ни была природа темницы Мишрам, здесь она действовала слабее. Шаллан не сомневалась, что эти руки настоящие и сейчас...

Между ними встал Рлайн.

Высокий, как башня, с броней певца и в мундире аleti. К нему присоединился его безликий спрен, прячась в тени певца. Секундой позже рядом встал и Ренарин.

Мишрам застыла, вокруг нее закружились водовороты дымных красок, прочие лица исчезли, пока не осталось лишь одно. Оно неотрывно смотрело на них. Смотрело на...

Шаллан изучала линии взгляда для живописи. Она была абсолютно убеждена, что Мишрам уставилась на то, как Ренарин взял Рлайн за руку для поддержки.

– Мы дети Сья-анат, – произнес Глис из-за спины Ренарина. – Ты помнишь сестру?

– Помоги нам тебя найти, – потребовал Рлайн. – Мы не можем тебя освободить, но всем будет лучше, если тебя найдем мы, а не наши враги.

У Шаллан перехватило дыхание. Да, несмотря на жалобы Ренарина, она хотела отыскать темницу. Если Мишрам в самом деле представляет угрозу для Вражды... такое оружие стоит иметь под рукой. И согласие Рлайн очень поддерживало.

Мишрам снова растворилась в вихрящихся дымных красках и пропала.

Шаллан, застонав, поднялась на ноги и тогда заметила поблизости напевающего Узора. Он указал на видение, которое продолжало разыгрываться. Рядом с Узором встала Кредо, оба криптика смотрели сквозь прозрачную часть стекла на светоплетение Шаллан.

Ее иллюзии больше не замирали, когда она переставала их направлять. Та, что в видении, например, сцепила руки и задумчиво устремила взгляд вдаль, переступая с ноги на ногу, как делал бы живой человек. Узор указал на тень ближайшего холма, откуда кто-то выглядывал, пристально следя за иллюзией Шаллан со спины. Человек-солдат, сжимавший в руке кинжал, вокруг которого искривлялся воздух.

Мрейз. У Шаллан перехватило дыхание. Он наблюдал за ее иллюзорной версией, готовясь подбежать и ударить... но колебался. Шаллан была абсолютно уверена, что он колебался. Она не смогла оценить, как долго, поскольку видение вскоре закончилось, и стеклянный столб рассыпался.

Земля под ногами странным образом потемнела. Шаллан ухватила за Ренарина, чтобы уменьшить вероятность того, что их троих отбросит друг от друга.

– Что это за тьма? – прошипела она.

– Это он, – сказал Глис. – Нас увидела Мишрам, из-за этого Вражда заметил, что что-то не так. Он нас ищет.

– Мы спрячемся, – проговорил Туми. – Будь осторожна, Шаллан. Мы скоро тебя найдем.

– Но...

– Мы тебя найдем, – повторил Туми.

Ее швырнуло в изменчивый хаос.

Одну.

* * *

Адолин сидел, подперев левой рукой подбородок, и разглядывал сложный расклад на доске «башен». Они перешли на мелкие карты, каждая размером в дюйм, чтобы больше влезало.

На полу лежали два тренировочных меча, и Янагон все еще потел после спарринга. Сегодня никакого осколочного доспеха, только старая добрая практика. Всякий раз, как приходил Адолин, имперские гвардейцы сменялись на тех, которых возглавлял Гезамал, сын Кушкама. Обычные гвардейцы впали бы в замешательство, оттого что на тренировках Адолин ставит их императора в неловкое положение. И потому Кушкам менял их перед каждым спаррингом.

С физическими упражнениями было покончено, и теперь с приходом вечерних сумерек и долгожданного прохладного ветерка, задувавшего через дальнюю часть шатра, настало время более важного урока. По тактике.

– Хм-м... – протянул Янагон, рассматривая доску и выпуская спрена концентрации, похожего на каплю воды, оставлявшую круги в воздухе. – Я обречен.

– Точно? – спросил Адолин.

– Вы мне доказали множество раз, что побеждают более крупные силы. И не только по прямому соотношению численности.

– Поясните.

Янагон внимательно на него посмотрел и указал на доску:

– У меня в данный момент войско в сто тысяч. У вас – в сто двадцать тысяч.

– Но вначале у вас было больше.

– Вы всегда сначала даете мне преимущество.

– Так, значит, более крупные силы не всегда побеждают?

– Мне следовало сказать, что при равенстве всех прочих факторов, включая способности командира, побеждают более крупные силы. Так верно? – спросил Янагон.

– И не только по прямому соотношению численности, – добавил Адолин. – Это важно.

Император кивнул. В тренировочной одежде он выглядел обычным юнцом. Его черные волосы были длиной в шесть дюймов. Не будучи упрятаны под пышный головной убор, они торпорщились во все стороны в неповторимой макабаской манере.

– При столкновении двух равных сил обе понесут огромные потери, – тихо проговорил Янагон. – Но если одно войско хотя бы на десять-двадцать процентов больше, происходит нечто странное. Потери на другой стороне возрастают многократно. Двести против ста не означает по сто погибших с каждой стороны, скорее будет сотня погибших с меньшей стороны и всего порядка двадцати – с большей. Чем больше твое численное превосходство, тем лучше защищен каждый отдельный человек.

– Если считать, что обе стороны сражаются до полного уничтожения одной из них, – уточнил Адолин, – а это случается крайне редко. Обычно армия разбита после потери десяти-пятнадцати процентов. Это не трусость, а человеческая природа. – Он подался вперед. – Хороший военачальник понимает, каковы ставки. Почти ничто не стоит того, чтобы сражаться, пока все не погибнут.

– То есть мне на этой доске следует отступить, – сказал Янагон. – У вас подавляющее численное превосходство, значит я проиграю.

– Точно проиграете? – спросил Адолин.

Следовало отдать Янагону должное: настойчивость Адолина не выводила его из себя. Он продолжил изучать доску, не торопясь с ответом.

Гезамал, облаченный в мундир Имперской гвардии с дополнительными узорами, сместился ближе, чтобы видеть доску. Он был мастером игры в «башни» и сразу бы понял, что подразумевает Адолин. Янагону же требовалась подсказка.

– Поищите, у каких ваших войск есть преимущество, – намекнул Адолин.

– Вот у этих, – указал Янагон на линию впереди своего строя. – Полагаю, у них все еще есть преимущество в виде позиции на высоте.

– А что такое позиция на высоте?

– Множитель сил. Эти копейщики, особенно в обороне, способны удержать превосходящего противника. Но это лишь малая часть моей армии. Думаете, следует оставить их здесь, чтобы дать остальным отступить?

Адолин молча подождал.

– Нет... – тихо произнес Янагон и сделал ход: перевел войска с преимуществом в оборонительную позицию, перевернув карты.

Он увидел. Силы Адолина были разделены на две части: основную на поле и меньшую в резервах, подходящих сзади. Войска же Янагона в свою очередь делились на меньшую часть на холме и большую – на расстоянии возможного удара от резервов Адолина.

За следующие несколько ходов Янагон выставил свои крупные силы против резервов противника, рассчитывая на то, что войска на холме в оборонительном строю на некоторое время задержат остальную армию, поскольку ей не пройти без огромных потерь. Они продержались достаточно долго, чтобы основные силы успели окружить и начать уничтожать резервы Адолина, которые тот намеренно оставил в уязвимом положении ради урока.

– Я понял... – сказал Янагон. – Я думал, что у меня сто тысяч против ваших ста двадцати. Но за счет этого маневра я удерживаю своими двадцатью тысячами ваши основные силы, пока мои восемьдесят уничтожают ваши еще не подошедшие сорок.

– Вы понесете кое-какие потери среди войск, стоящих в обороне, – пояснил Адолин, – но в конечном итоге я останусь суммарно с меньшей армией. И теперь уже мне следует отступить, видя это.

– Мне говорили, что вы способны развернуть почти любую позицию в выигрышную, – произнес Гезамал, присаживаясь на корточки возле стола. – Такие сценарии случаются в реальной жизни – не так чисто, не так четко, но они реальны. Я о них читал.

– Я их проживал, – ответил Адолин. – Это работает: раздели вражеские силы, навались на меньшую часть... Это хорошая тактика, которую должен знать всякий военный командир. Янагон, высматривайте возможность повернуть ситуацию в свою пользу, потому что выиграть можно почти любой бой.

Он принялся собирать карты.

– Применимо ли это к нашим нынешним обстоятельствам? – спросил Янагон, глядя в стену шатра – в сторону купола.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.